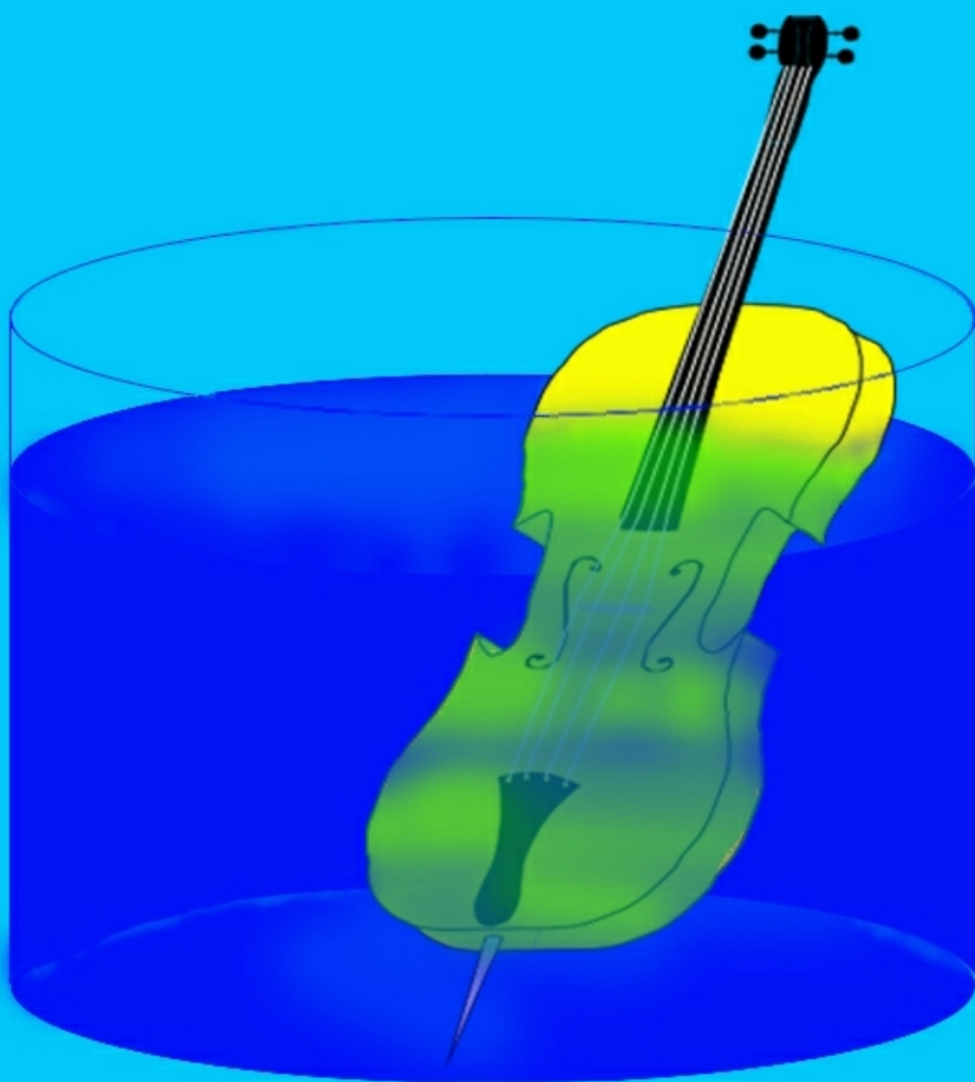

Сергей Бушов

Жёлтая виолончель

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Сергей Бушов

Жёлтая виолончель

«Автор»

2015

Бушов С.

Жёлтая виолончель / С. Бушов — «Автор», 2015

Главный герой романа пытается заново выстроить свою жизнь из странных видений и обрывков воспоминаний. Кто он? Куда ведёт его судьба? Что такое счастье? И при чём тут жёлтая виолончель? На эти вопросы предстоит ответить герою и читателям книги. Содержит нецензурную брань.

© Бушов С., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Жёлтая виолончель	5
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Бушов

Жёлтая виолончель

Жёлтая виолончель

Как только я выскочил из хибарки, холодная темнота обступила меня со всех сторон. Под ногами, обутыми в грязные истрёпанные обмотки, заскользила грязь, а в лицо ударил ветер, напитанный грузными и горькими каплями дождя. Я включил крохотный фонарик, который едва освещал пятнышко земли на шаг вперёд, пригнулся и быстро двинулся прочь от порога. Тропинка, вытопанная мной за годы жизни среди пумаров, вилась между жиденьких кустов и куч мусора, которые слегка поплёскивали в темноте и порой пугающе шевелились от ветра.

Понемногу я поднимался вверх, всё круче и круче, так что на земле, размокшей под дождём, стало совсем невозможно удержаться. Я сошёл с тропинки, сначала прыгая с камня на камень, а затем начав карабкаться по скале. Я порядком устал, хотя цель пути была уже недалеко. Она вздымалась во мраке надо мной, венчая скалу огромным мрачным силуэтом.

Я подобрался к бочке и, посветив фонариком в горловину, разглядел, что чёрная лохматая туша внутри шевелится.

– Элемент! – крикнул я. – Элемент!

Из бочки послышалось сопение, усиленное её гулками ржавыми стенами.

– Я слушаю тебя, мелкий друг, – ответил низкий, мягкий голос. – Что привело тебя ко мне в такое позднее время? И погода, насколько я могу судить, также не лучшая для прогулок.

Моё тщедушное тельце и вправду уже дрожало под мокрым холодным дождём.

– Элемент! – повторил я. – Скажи – каждое ли на свете существо должно быть счастливым?

Туша зашевелилась. Похоже, Элемент поворачивался лицом ко мне.

– Это очень странный вопрос, мелкий друг, – произнёс он спустя минуту, когда разворот был окончен. – Возможно, ты хочешь спросить, все ли существа на свете заслуживают счастья?

– Да, – ответил я. – Правда, так звучит лучше.

– На этот вопрос ответ, безусловно, «нет», – сказал Элемент. – Поскольку те существа, которые заслуживают счастья, уже счастливы. А, насколько мне известно, счастливыми себя ощущают далеко не все.

– Но... Разве это правильно? – спросил я. – Разве не заслуживают счастья все остальные?

– Мне кажется, мой мелкий друг, – ответил Элемент, – ты понимаешь слова «счастье» и «заслуживают» совершенно не так, как я, иначе бы у тебя не возникло желания задавать твой вопрос. С моей точки зрения, заслуживает достижения некой цели только тот, кто смог её добиться. А счастье, в свою очередь – это просто субъективное ощущение того, что ты движешься в правильном направлении. Как видишь, в моём понимании твой вопрос имеет довольно мало смысла.

Чтобы перестать трястись от холода, я обхватил себя руками и потёр плечи, мысленно формулируя следующий вопрос.

– А ты счастлив? – спросил я, стараясь увидеть в маленьком отверстии глаз Элемента или хотя бы его отблеск, чтобы лучше понять ответ.

– Безусловно, – ответила темнота.

– Но ты же никуда не движешься, – возразил я.

Где-то над нами сверкнула молния, рассекая небо на две половины. Раздался гром. Я инстинктивно втянул голову в плечи и подумал про себя, что Элемент присмотрел для своего убежища не самое безопасное место.

– Именно потому я и счастлив, – сказал он тихо, – что выбрал путь, по которому можно идти неторопливо и бесконечно...

Тьма съёжилась и развалилась в мелкие крошки. Мою голову от затылка до висков пронзает упругая боль, сначала сдавив мозг, а затем начав пульсировать возле ушей. Я распахиваю глаза. Свет, ударивший в них, оказывается фиолетовым, мутным. Всё кружится. Моя рука шарит в пустоте. Грохает. Кажется, возле кровати табуретка, а на ней поднос. Я пробую приподняться. Перехватывает дыхание, как после долгого бега. Что это упало? Я шурю глаза. На полу валяется пластиковый шприц и разбитый пузырёк из-под лекарства, еле видимые сквозь синеватый туман, заполняющий всё поле зрения. Почему так трудно дышать? Стеллажи справа налево. Пол сырой, холодный, бетонный. Мои босые ноги содрогаются от касания с ним. Надо найти ботинки... Чтобы идти. Куда идти?

Сесть на койке, которая скрипит подо мной режущими слух ржавыми пружинами. Никуда не падать. Надо вспомнить. Где я? Почему? Жёлтая виолончель... Какой-то гараж? Или подвал. Надо вдохнуть поглубже. В ушах гудит, так что я не понимаю, есть ли звуки вокруг. Хочется пить. И дышать. Это примерно одно и то же. Я пробую встать. Нет, пожалуй, не стоит. Упаду. Головой на бетон – будет больно. Посижу ещё. Куда мне надо идти? Я не знаю. Жёлтая виолончель. Почему на языке эта жёлтая виолончель? Может быть, я музыкант? Пытаюсь посмотреть на руки. Пальцы расплываются. Как играют на виолончели? Кажется, смычком. Вот так? Нет, руки не помнят. Совершенно не представляю, как держать смычок. И виолончель – её вообще ставят на пол, как контрабас, или прижимают к подбородку? Вряд ли я музыкант. Но кто? Как меня зовут?

Мозг затянута тугой неподатливой плёнкой. Приподнимать её страшно, но ещё страшнее – сознавать, что она есть. Очень неприятное ощущение – не помнить, кто ты, и что было час назад. Должно быть, я спал. Может, я в гостях. Не хватило места в комнате, отнесли в гараж. Наверно, я жутко напился. Не зря же голова болит. Но что с глазами?

Я прищуриваюсь, протираю глаза. Туман меняет цвет от синего до сиреневого, но не исчезает полностью. Не хватает резкости. Может, я ношу очки? Наверно, потерял. Если это гараж, то где машина? Здесь она даже не встанет. Между койкой и стеллажом от силы метр.

Я встаю, хватаюсь пальцами за стеллаж. Удерживаюсь. Перед глазами проплывают мутные железки, разложенные на полках. А это что? Похоже на тетрадь. Я пробую листать. Руки трясутся. Хочется пить. Почерк неразборчивый. Рисунки. Не могу понять, что нарисовано. Человеческие органы в разрезе? А это похоже на помидор... Новая волна боли в голове требует отложить тетрадь. Ядвигаюсь вдоль стеллажа, поскольку вижу впереди дверь. Почему так тяжело дышать? Почему я босой?

Дверь железная, тяжёлая, но не заперта. Лестница уходит вверх. Всё-таки подвал. Поднимаюсь на пару ступенек. Одышка. Сердце колотится, как бешеное. Сколько мне лет? Шестьдесят? Что я вообще помню? Ступенька. Ступенька. Чёрное море впадает в Каспийское. Нет, как-то не так. Дважды два – четыре. Это точно помню. Могу продемонстрировать на пальцах. Покачиваюсь и чуть не падаю. Отдышаться и двигаться дальше. Надо идти вперёд, чтобы узнать, где я и кто я такой.

Стены – зыбкие, нереальные, похожие на дымку. Кажется, ткнуть пальцем – и он провалится наружу, в небытие. Где-то здесь были перила. Кончились. А, ещё одна дверь. Перед глазами всё кружится. Похоже на небольшую комнатку. Шкаф слева, шкаф справа. Зеркало во весь рост. Это я? Или кто-то другой притворяется моим отражением?

Похоже, что это я. Потрёпанные джинсы, голубая футболка без надписей и рисунков. Нет, скорее я догадываюсь, что она была голубой. Или белой. Должно быть, она воняет, но я

не чувствую запахов. И звуки, что я слышу – это течение крови в ушах. А то, что я вижу – насколько этому можно доверять?

Похоже, моему отражению лет тридцать или немного больше. Светло-русые волосы с голубым отливом, давно не чёсанные, сальные. Лицо, пожалуй, неглупое, но усталое и недоброе. Не похоже, что я пробыл здесь долго. Щетина короткая – я должен был бриться не дальше, чем вчера. Волоски. Похожи на лапки насекомых. Совсем куцые, словно только начали высываться из кожи.

Заглядываю в шкаф. Книги. Фрейд, «Психология бессознательного». Интересно, моя ли это книга. Может, я здесь живу? Хотя вряд ли в этой комнате кто-то живёт. Здесь даже нет дивана или кровати. А, нет же. Койка в подвале. Я глажу шершавый переплёт книги и стараюсь понять по ощущениям, трогал ли я его раньше. Попытка вспомнить приводит к тому, что начинает кружиться голова.

Надо сесть. Вот и стул. Нет, я не похож на бомжа. Не видно ни синяков, ни ран, ни признаков алкоголизма на лице. Мышц практически нет, брюшко заметное. Я работаю в офисе? Может, я большой начальник? Может, меня похитили? Пытаюсь напрячь память и чуть не отключаюсь. Посижу немного. Здесь, наверху, дышится легче. Из окна свет, за стеклом можно различить ветви деревьев. Если бы не фиолетовый туман в глазах, мог бы рассмотреть и что-нибудь ещё. Где моя обувь?

Откуда я знаю про Каспийское море? Должно быть, учился в школе. Я помню слово «школа», но не помню, как я учился. Может, и не учился, а про Каспийское море в Интернете прочитал. Значит, существует на свете Интернет. Где-то за пределами комнаты. Надо встать. Идти туда. За информацией. Вот как раз и следующая дверь. Снова встаю. Дверь близко. Добираюсь, открываю.

Кажется, я понял, что это за место. Не знаю, как. По косвенным признакам. Это только догадка, но, думаю, правильная. Может быть, я уже был в этом помещении. Или видел похожую комнату по телевизору. Или работал в такой?

Вдоль одной стены – стеклянные шкафчики. В них книги, бумаги, бутылочки с лекарствами. Стену напротив занимает голубая доска, разделённая маркером на три части. В каждой части записано много слов, но у меня нет сил их прочитать. В центре комнаты стоят два больших чёрных кожаных кресла лицом друг к другу. Одно из них повернуто ко мне спинкой. Второе пусто, и у меня такое ощущение, что я там раньше сидел. Мы разговаривали...

Двигаюсь к креслу по странной кривой. Покачиваюсь. Вдали слышен звук. Я пытаюсь понять, что это. Журчит вода? Мышки шепчут? Опускаюсь в кресло, гляжу перед собой и вдруг вскакиваю.

В кресле напротив меня сидит человек. Тело человека. Лицо искажает застывшая гримаса. Кожа красная, пятнами. Голова откинута назад, вжата в спинку, борода торчит в мою сторону, словно лезвие топора. Руки всё ещё пытаются вцепиться в обивку кресла. Зубы, зубы...

Я совершенно точно раньше здесь сидел. И говорил с этим человеком. Я знал, как его зовут. Я вновь опускаюсь в кресло, несмотря на то, что напротив меня сидит труп. Его лицо притягивает мой взгляд. Кто же он? Его имя... Мне кажется, там была буква «г». Игуана? Сигизмунд? Глафира? Голова кружится. Плёнка, покрывающая мозг, не поддаётся.

– Я вас слушаю, – говорит человек, сидящий напротив.

Он был одет с иголочки, аккуратно. Чёрные брюки, жилетка, тёмно-коричневый галстук в мелкую белую крапинку. Сложенный пиджак висел на спинке кресла. Меня посетила неожиданная мысль о том, что я вижу его очень отчётливо: аккуратно постриженную чёрную бородку с двумя ровными пятнышками седины, очки в тонкой золотого цвета оправе, стрелки идеально отутюженных брюк... А как ещё, интересно, я его мог видеть? Я немного удивился, заметив на его руках абсолютно неуместные резиновые перчатки.

– Итак, молодой человек, – снова заговорил он, – я вынужден оторвать вас от самосозерцания, поскольку на наш сеанс отведено ровно полтора часа. Если вы всё это время планируете промолчать, я вряд ли смогу помочь вам в решении ваших проблем. В чём, кстати, они заключаются?

– Простите, – сказал я и хотел к нему как-то обратиться, но начисто забыл, как он только что представился. Спасла меня прямоугольная рамка на стене, заключающая в себе некий сертификат, в центре которого значилось «Иванову Герману Иосифовичу». – Герман Иосифович... Не знаю, как лучше сформулировать...

– Как вам удобнее, – отреагировал Иванов, откидываясь назад. – Я пойму.

Я опустил глаза в пол.

– Видите ли... Я чувствую, что иногда не могу себя контролировать. Я злюсь по разным поводам, иногда срываюсь на людях. Начинаю кричать, например. Чаще могу сдержаться, но тогда потом в мозгу всё время прокручиваю эту ситуацию, представляю, что бы я мог сделать. Никак не могу успокоиться.

Я сделал паузу, пытаюсь понять, все ли сказал. Решил, что всё, и поднял взгляд на Иванова.

– И как вам самому кажется, понимаете ли вы причину вашей раздражительности? – спросил он, глядя на меня внимательно, но не прямо в лоб, а как бы украдкой, не слишком назойливо.

– Нет, – ответил я. – Думаю, что просто устал, но, наверно, это не единственная причина.

– Хорошо, – кивнул Иванов. – Позвольте спросить... Какие у вас отношения с супругой?

– Хорошие, – ответил я решительно, затем спохватился. – То есть, нету жены у меня.

– Хм, – Иванов поправил очки, хотя они, казалось бы, и без того сидели у него на переносице идеально ровно. – А с кем, позвольте полюбопытствовать, живёте?

– Один, – ответил я. – Ну, то есть, комнату снимаю.

– Насколько у вас тяжёлая работа?

Он тщательно выговаривал слова, и я обратил внимание на то, какие ровные, плотно сбитые, у него зубы. Их белизна особо отчётливо выделялась на фоне усов и бороды. Я мысленно ощупал свой рот языком. Язык можно было, не размыкая зубов, высунуть наружу в четырёх местах. Частокол был сплошь дырявым. Больше всего удручал меня, однако, сколотый передний резец, который был виден всегда, стоило мне улыбнуться или заговорить, как, к примеру, сейчас.

– Не тяжёлая, – ответил я. – В офисе.

– Неприятности на работе? – уточнил Герман Иосифович. – Конфликты?

– Нет, всё хорошо.

Иванов нахмурился, сложил губы трубочкой, а руки в перчатках соединил в замок и сидел так, смотря сквозь меня, несколько секунд. Я поневоле задумался, почему он сидит в перчатках. Может быть, раньше он был проктологом. Или простату часто массировал пациентам. А привычка осталась...

– Ну что же, – сказал он. – Предлагаю вернуться к этому позже. Вы можете рассказать какой-нибудь наиболее характерный случай, когда вам не удалось себя сдержать?

– Да, – я мгновение поколебался, что выбрать, но последнее происшествие было ярче всего, и я рассказал. – Пару дней назад ехал в метро. Выходил из вагона, шёл не спеша к выходу со станции, думал о чём-то. Какая-то женщина с детьми, что ли, или с сумками... Нет, с детьми. Ноги были, помню. Она бежала в этот поезд, который должен был отойти. Наткнулась на меня и ругнулась как-то...

– Как именно? – поинтересовался Иванов.

– Не помню, – ответил я. – «Что встал, дебил», кажется. Или «пропусти, урод». Или «сука». Не помню.

Я замолк.

– Ну, что же вы? – поторопил меня Иванов. – Продолжение истории будет?

– Да, – согласился я, подумав. – Я разозлился. Закричал, замахнулся рюкзаком, погнался.

Она испугалась, побежала. Но я развернулся и ушёл.

– А дети где в это время были? – спросил Иванов, продолжая меня разглядывать.

– Какие дети? – не понял я. – Не было никаких детей.

– А что же вы такое кричали, – уточнил Иванов, – когда за ней гнались?

– Не помню, – пожал я плечами. – Кажется, «заткнись». Или «убью». Какая разница?

– Вы действительно хотели её убить? – Иванов оторвал взгляд от меня и, растопырив свою правую руку, принялся разглядывать обтянутые резиной пальцы.

– Наверно, – кивнул я. – Но у меня бы смелости не хватило. Хотя я сильно злился...

Может, и хватило бы.

– А знаете... – Иванов снова поднял на меня взгляд. – Честно говоря, я вам не верю.

– Почему? – я искренне удивился.

– Ну, во-первых, – начал объяснять Иванов, – мне кажется довольно-таки странным, что вы не помните существенных деталей. Если вас обидело слово, произнесённое этой женщиной, то почему вы не можете его точно назвать? Во-вторых, вы так рассказываете об этом случае, как будто вам совершенно наплевать, как вы отреагировали.

– Наверно, да, – вздохнул я. – Наплевать.

– А зачем тогда пришли?

Я задумался.

– Не знаю, – честно ответил я через минуту. – Думаю, просто боюсь, что кого-то рано или поздно побью или убью даже. Хотя даже не знаю, боюсь я этого или нет. А может...

– Так-так, – подбодрил меня Иванов. – Продолжайте, раз начали.

– Может, просто хочу кому-то рассказать, – я поймал себя на том, что тоже рассматриваю свою руку, скопировав жест своего собеседника.

– С какой целью? – тихо спросил Иванов.

– Хочу понять, что во мне не так.

– Ага, – Иванов вдруг встал и, обойдя своё кресло, встал за его спинкой. – А знаете, мне тоже стало вдруг чрезвычайно интересно. Что же с вами не так? Ведь, по вашим словам, у вас вообще нет никаких проблем. Семьи нет, но вы вроде бы этим вполне удовлетворены. Работа есть, но не похоже, чтобы она имела для вас большое значение, и никаких неудобств – опять же с ваших слов – вам не доставляет. Вы выглядите здоровым человеком и, казалось бы, ваши возможности ничем не ограничены. Однако же вы приходите ко мне и жалуетесь на некие психологические проблемы, причём, я бы сказал, неубедительно.

– Вам виднее, – согласился я. – Вы же психолог.

– Ну что же, – Иванов слегка шлёпнул рукой по спинке кресла и двинулся к доске. – Давайте оставим подоплёку вашего визита на потом. А пока попытаемся разобрать описанный вами случай. Вы знаете, что такое абс-анализ?

– Нет, – ответил я. – Могу догадаться, что «а» – анализ, «б» – больной, но что такое «ц»? Церебральный?

– Хм, – Иванов поднял бровь. – Нет. Не угадали. Но начнём сначала. В том случае, который вы описали, да и в бесчисленном множестве других подобных случаев, человек действует бессознательно. Условно говоря, наш мозг принимает решение раньше, чем успеет начать думать. Как это происходит? Есть только некое приблизительное представление об этом. Считается, что в подсознании человека в течение его жизни, а особенно детства, формируется некий свод правил или установок. Неизвестно доподлинно, в каком виде они хранятся, но выразить довольно точно их можно словами. К примеру, таким правилом может быть «нельзя есть сладкое» или «все мужики – козлы». Эти правила возникают, исходя из опыта, воспита-

ния или основываясь на неких личных впечатлениях, но в данном случае это не очень важно. Назовём набор таких правил кодексом.

Мозг способен в некоторых случаях принимать решения только на основе этих правил, не прибегая к сознанию. Чаще всего это происходит, если он отыскивает некое соответствие ситуации вокруг вас и утверждения из кодекса. Например, если вы подсознательно считаете, что вам нельзя есть сладкое, а вас кто-то пытается накормить, скажем, конфетой, то вы можете резко разозлиться. И вы даже не успеете как следует понять, что тот, кто это делает, желает вам только добра.

Итак, что представляет собой abc-анализ? Это просто попытка разобрать ваше поведение, разделив его на составляющие.

Иванов взял маркер и провёл на доске две вертикальные черты, сделав среднюю часть получившейся таблицы заметно шире остальных.

– Пусть а – это ситуация, толчок, исходные данные. В данном случае «сердитая женщина».

Он написал эти два слова в левой части и повернулся ко мне, словно бы ожидал моей реакции, а затем, не дождавшись, продолжил:

– С – это ваш эмоциональный всплеск, агрессия. Для вашего конкретного примера запишем «гнев, пожелание смерти обидчику».

Иванов опустил руку с маркером и снова поправил очки:

– А вот здесь, между ними, располагается b. Это самое интересное. Это то, что привело вас от ситуации к реакции. Ваше подсознание. Попробуйте сейчас хорошенько представить тот случай. Женщина натывается на вас и говорит вам неприятные, обидные слова. Назовите несколько фраз, которые приходят вам в голову. Не думайте, просто говорите.

– Вот дура, – сказал я. – Чем я тебе помешал? Почему мне нельзя просто идти спокойно, куда хочется? Я не дебил. Почему она так ко мне относится? Чем я заслужил? М-м... Не знаю, что ещё.

– Чудесно! – Иванов оторвал маркер от доски. – Знаете ли вы, что такое аффирмация?

Я молчал, читая одну за другой те фразы, которые Иванов записал под мою диктовку в средней части доски. Они мне не нравились.

– Так вот, – продолжил Иванов. – Сейчас наша задача состоит в том, чтобы по вашим мыслям в описанный момент вычислить то утверждение в вашем кодексе, которое спровоцировало вспышку агрессии. Затем мы сформулируем его словами и попробуем придумать обратное утверждение, после чего записать его в ваш кодекс. Конечно, это не очень просто. Но существует огромное множество разных техник. Например, вы можете просто многократно повторять это утверждение. Обычно бывает достаточно примерно ста раз по 3-4 повторения фразы в день, то есть примерно 400 раз вы будет про себя – ну, или, если хотите, то и вслух – произносить придуманную нами фразу, пока она не отложится у вас в подсознании. Настолько, что если вас разбудить ночью, то эта фраза будет первым, что придёт вам в голову.

Иванов оправил перчатку на правой руке и повернулся к доске.

– Что мы тут имеем? Ага, вы называете эту женщину душой. На каком основании, интересно знать? На том, что у неё сумки или дети? Дальше вы говорите, что не дебил. Это ваша личная оценка или вам кто-то сказал, что вы не дебил?

– Личная, – подал я голос.

– Замечательно, – продолжил Иванов. – Затем вы спрашиваете, чем заслужили её реакцию. Ну, это же очевидно. Вы ползли, словно черепаха, на проходе, когда она отчаянно пыталась запрыгнуть в поезд. Остальное из той же оперы... Что же, мне всё предельно ясно. То, что записано у вас в кодексе, я бы сформулировал так: «Я – пуп Земли, и меня все обязаны уважать».

Я сглотнул. Мне стало казаться, что я зря пришёл сюда и уж точно напрасно заплатил деньги.

– Давайте теперь, – Иванов положил маркер на место и повернулся ко мне, глядя прямо в глаза, – попробуем придумать обратное утверждение, чтобы вы впоследствии записали его себе на подкорку. Мне кажется, вам подойдёт такая фраза: «Я – никуда не годное ничтожество». Вы можете это повторить?

– Я – никуда не годное ничтожество, – прошептал я.

– Повторите ещё несколько раз, громче! – потребовал Иванов.

– Я – никуда не годное ничтожество, – сказал я чуть громче и неожиданно почувствовал, как из глаз потекли слёзы.

– Что же вы замолчали? – спросил Иванов.

– Мне кажется, – сказал я дрожащим голосом, пытаюсь вытереть слёзы так, чтобы это было не очень заметно, хотя и понимал, что Иванов уже их видит, и ощущал исходящее от него злорадство, – что вы не очень хороший психолог...

– Знаете, – Иванов неторопливо опустил в кресло напротив меня, – если уж быть до конца честным, то я вообще не психолог.

Я секунду переваривал сказанное и только потом спросил:

– А кто?

– Вы извините, что разыграл весь этот спектакль и вас расстроил, – сказал Иванов. – Но мне кажется, что я смогу вам помочь.

– Я не уверен, что смогу заплатить ещё, – признался я.

Иванов отмахнулся:

– Я догадываюсь. Я даже могу вернуть вам ваши деньги. Наше сотрудничество будет взаимовыгодным. Я помогаю вам, а вы оказываете услугу мне. Согласны?

Я помедлил с ответом. Мне не нравился этот человек. Мне не хотелось переживать ещё раз то, что я пережил только что. Глаза заливали слёзы. Синие. Всё плывёт. Передо мной сидит, скаля зубы, труп Иванова. Голова гудит, надуваясь изнутри.

Агрессия. Да. Жёлтая виолончель. Я не любил его. И вот он сидит здесь, мёртвый, застывший, похожий на воск, подкрашенный изнутри красным и синим. Мне кажется, что труп заметно сполз вниз с тех пор, когда я увидел его в первый раз. Хотя когда был на самом деле первый раз? Кроме меня и Иванова, здесь никого нет. Он мне не нравился. И у меня были неконтролируемые вспышки агрессии. Я мог его убить. Не могу до конца поверить в это и представить... Но что вообще я помню о себе? Практически ничего.

Я встаю. Голова всё ещё кружится. Я хочу пить. Я видел здесь кран, кажется. В соседней комнате. Ноги слушаются плохо, пытаются подкоситься и уронить меня на бок, на застеленный серым ковровым ковролином пол. Краем глаза я замечаю, что на столе перед Ивановым лежит большая шоколадка. Упаковка надорвана, отломлено несколько кусочков. Должно быть, он начал есть при мне. Я был голоден. Точно. Я ударил его. Наверняка. До сих пор жутко хочу есть. Только сейчас начинаю чувствовать это, но хотел, похоже, уже давно.

Жёлтая виолончель. Жёлтая виолончель. Скоро будет война. Я подхожу к раковине, открываю кран, наклоняюсь, набираю в пригоршни воду. Пью. Мне мешает что-то. Странное ощущение в районе подбородка. Поднимаю глаза в зеркало и отшатываюсь. Там отражается силуэт Иванова.

О боже... Нет. Это я. Просто у меня борода. Ну, не совсем борода. Очень длинная щетина. Сантиметр, не меньше. Лапки насекомых теперь огромные. Ещё немного, и я на этих лапках ходить смогу, вверх ногами. Как это может быть? Я же буквально минуту назад...

Я вспоминаю свой провал в прошлое. Выходит, я отсутствовал здесь как минимум пару дней. Почему я не чувствую трупного запаха? Хотя что я вообще чувствую? Вижу синие пятна перед глазами. Слышу топот ног, бегущих прямо сюда.

Чудовища с большими круглыми головами врываются в комнату. Двое несутся ко мне, остальные нюхают по углам. В мои глаза бьёт внезапный яркий фонарик.

– К стене! – кричат мне. Голос не человеческий, грубый, искажённый. – Руки на стену! Раздвинуть ноги!

В мою спину утыкается нечто твёрдое. Чужие лапы шарят по телу, прощупывая футболку и джинсы.

– Кто такой? – продолжает голос. – Фамилия, имя?

Я честно пытаюсь вспомнить.

– Да, доктор, вы правы, – говорю я. Иванов усмехается.

– Ну, хорошо, – он вновь сел напротив меня. – На этом закончим разгадывать замысловатые тайны вашей личности и приступим к простой игре.

– Игре? – усомнился я. – Вы говорили про какой-то эксперимент.

– До экспериментов мы в своё время дойдём, – ответил Иванов, раскрывая толстую тетрадь и выискивая в ней неисписанные страницы.

– Я просто интересуюсь, когда вы мне сможете денег дать, – пояснил я.

Иванов моментально вспыхнул, став похожим на алого поросёночка, и вскочил:

– Деньги, деньги! Ваше поколение только и думает, что о деньгах! Мы с вами важным делом занимается, между прочим!

– Что это за дело? – вяло поинтересовался я. – Я пока ничего не понимаю.

Иванов шумно выдохнул, снова сел в кресло, оправил пиджак, снял очки. Его глаза стали подслеповатыми, немного жалобными. Он достал из кармана жилетки чёрный блестящий платок и протёр стёкла очков, а затем возвратил очки на переносицу.

– Я хотел бы разобраться в некоторых тайнах человеческого сознания, – сказал он. – Проверить кое-какие свои теории. Так получилось, что у меня сейчас нет подопытных, а на себе я больше экспериментировать не могу. Но давайте оставим эти ненужные подробности на потом.

Он посмотрел на меня в упор, словно ожидая согласия. Не дождался.

– Да заплачу я вам, заплачу! – отмахнулся он. – Завтра принесу деньги. Забыл сегодня. Не волнуйтесь.

– Хорошо, – согласился я, наконец. – А при чём тут ваша игра?

Иванов раскрыл рот, собираясь что-то сказать, но передумал. Он помолчал с минуту, порассматривал свою руку, потом снова поднял глаза на меня.

– Что вы знаете о Фрейде?

– Что его звали Зигмунд, – пожал я плечами.

– И всё?

– Остальное, что я о нём слышал, нельзя обозначить словом "знаю".

– Ладно, – Иванов нервно дёрнул головой. – Так вот – Фрейд видел в оговорках, описках и опечатках определённую работу подсознания. Ну, например, один мой друг сказал: "Скоро все женщины станут такими же, как собаки. И я лично ничего против не имею". Он хотел сказать "мужчины", но сказал "собаки". Потом я узнал, что незадолго до этого сосед отравил его собаку. Вы улавливаете мою мысль?

– Да, – я, конечно, понимал. – Я тоже знаю один такой случай. Один мой знакомый ветеран сказал как-то: "Я награждён орденом Кутузова посмертно".

– Ну и что? – нахмурился Иванов, в очередной раз поправляя перчатки.

– Через двенадцать лет он и правда умер.

Иванов молчал. Он опустил руки на стол и, словно внезапно затормозивший автобус, уставился прямо на меня. Взгляд был отсутствующим. Он думал. Затем вздрогнул, выйдя из оцепенения, и придвинул ко мне тетрадь.

– Вот, – его зубы снова притянули мой взгляд. – Запишите здесь, пожалуйста, ваши ассоциации к тем словам, которые я сейчас назову.

Он, видимо, прочитал на моём лице непонимание.

– Поясню, – он сделал неопределённый жест своей правой рукой, затянутой в латекс. – Вы не должны думать. Начинайте писать до того, как осознаете свой ответ. Прочитали слово – незамедлительно пишите первое, что приходит в голову. Ясно?

– Да. Писать чем?

– А, да. Прошу прощения, – Иванов извлёк из внутреннего кармана авторучку – чёрную, сверкающую, с металлическим никелированным зажимом. Протянул мне. – Записывайте. Замок. Грязь. Чудо. Поле. Скобки. Дерево. Хвост. Записали?

– Да. Можно начать?

– Конечно, – размашисто кивнул Иванов. – Как говорится, раньше сядешь – раньше выйдешь.

Я начал набрасывать на бумаге слова, мимоходом бросив:

– Вы что, сидели в тюрьме?

Иванов насторожился:

– Нет. С чего вы взяли?

– Но, видимо, боитесь туда попасть? – уточнил я.

– Я полагаю, от этого никто не застрахован, – ответил Иванов. – Тем более в наше время.

А что?

– А что случилось с вашими предыдущими подопытными? – спросил я.

– Не думаю, что я обязан отвечать на этот вопрос, – Иванов выпрямился в кресле, изображая своим внешним видом уязвлённую гордость.

– Вот видите – я неплохо усвоил ваш урок про подсознание. Готово, – я подвинул к Иванову листок и ручку.

– Уже? – он удивился. – Прекрасно. Теперь сделаем вот что – вы будете читать слова и попутно объяснять, почему подобрали именно такие пары.

Я хмыкнул:

– Не получится. Я писал просто так, не задумываясь.

– "Просто так" не бывает, – возразил Иванов. – Всегда можно попытаться объяснить. В крайнем случае, я вам помогу.

– Ну, хорошо, – сказал я. – "Замок – война", – я почесал лоб. – Наверно, это из песни. "И кто-то должен стать дверью, а кто-то замком, а кто-то ключом от замка". Вот.

– А война при чём?

– Там был такой припев: "Между землёй и небом – война". Кажется, песня так и называется – "Война".

– Ладно. А дальше?

– «Грязь – сон», – тут мне пришлось крепко задуматься. – Вот даже не знаю, почему написал. Может, потому, что когда-то мне снилась грязь... А, точно. Да, снилась. Давно. Я ещё в сонник полез, к чему это – вывалиться целиком в грязи.

– И что же нашли? – спросил Иванов.

– Что грязь – к богатству. Или к благополучию, точно не помню, – я усмехнулся. – А вы что, верите в сонники?

– Я учёный, – ответил Иванов и, предупреждая моё критическое замечание, поправился: – Ну, считаю себя учёным. Поэтому ничему не верю, но всё считаю теоретически возможным. С какой-то вероятностью. И, в конце концов, вы же сами читали сонник.

Мне пришлось мысленно признать, что он меня подловил.

– Я же говорю – это было давно, – я вернулся к листочку. – «Чудо – друг». Ну, это примерно понятно. У меня нет друзей, и я не представляю, как их завести. Вообще говоря, меня

люди раздражают. Так что, с одной стороны, я хотел бы иметь друга, а с другой – нет. Как представлю какую-нибудь пьяную компанию, скажем, корпоратив или рыбалку, сразу отпадает желание с кем-то общаться.

– Но друг – это не обязательно пьяная компания, – возразил Иванов. – Бывают же, в конце концов, приличные интеллигентные люди.

Я не выдержал и рассмеялся.

– Что такое? – насторожился Иванов.

– Да я подумал, что вы, должно быть, про себя говорите. Это вы-то приличный человек?

– Ну, знаете! – Иванов выпрямился в кресле. – Положим, вы мне тоже не особо симпатичны, но я вас не оскорблял.

– Помнится, вы меня ничтожеством обозвали, – напомнил я.

– Не совсем так, – попытался выкрутиться Иванов, но тут же сдался: – Хорошо. Что дальше?

– «Поле – боль», – я снова оказался немного озадачен. – Может быть, просто по созвучию написал...

– Много созвучных слов, – заметил Иванов, – но вы выбрали именно это. Не «доля» или «воля», например.

– Согласен... Ну, тогда, наверное, так... Борис Полевой написал книгу о лётчике, который лишился ног. Ему было больно. Такое объяснение подойдёт?

– Любое подойдёт, – сказал Иванов, пристально глядя на меня. – Если оно правдивое.

Я вдруг вспомнил поле. Футбольное поле. Огромное. А я – маленький. Лет 10 или около того, но ростом не вышел. И бегал я плохо, задыхался. Я сидел на влажной траве и плакал посреди огромного поля. Левая штанина тренировочных брюк пропиталась кровью. Я споткнулся о мяч и упал коленом на камень. Было больно. Огромная ссадина на колене заживала потом недели две. Мяч у меня после падения тут же отобрали и побежали к нашим воротам. Я не любил бегать и особенно не любил футбол. Но постоянно приходилось в него играть – на уроках физкультуры, да и просто так, за заборами. Потому что никто не понимал, как можно не любить футбол, и я не хотел показывать, что я его не люблю.

– Вы что-то замолчали, – голос Иванова вырвал меня из воспоминаний. – Могу я узнать, о чём вы задумались?

Я вздохнул:

– Я пытаюсь понять, какие события запоминаются надолго.

Руки Иванова, до сей поры спокойно лежавшие на коленях, вздрогнули. Пальцы согнулись, схватившись за мягкую, глянцевою ткань чёрных брюк. Лицо побледнело сквозь бороду, а оправа очков напиталась каким-то особым, магическим светом, исходящим из его глаз. Я понял, что затронул самые глубины его души, всколыхнул нечто такое, что для него очень болезненно и живо...

– Вот... вот... – пробормотал он. – Вот именно... Что, какие образы запечатлеваются и служат основой для дальнейших впечатков... Это занимает меня больше всего.

Он опустил глаза.

– Кажется, я не совсем ясно говорю. Но... вот, – он выхватил у меня тетрадь и, перевернув страницу, нарисовал в середине жирную точку.

– Что это, по-вашему? – спросил он, пододвинув ко мне тетрадь.

– Точка, – ответил я.

– Вот видите! – восторжествовал Иванов. – Почему вы сказали "точка"? Я же показал вам целую тетрадь! Тетрадь намного больше и заметнее, чем маленькая точка, но назвали вы почему-то именно точку! Почему?

Я помедлил с ответом, но, наконец, произнес:

– Мало ли на свете тетрадей... Тетрадей с точками гораздо меньше.

– Да, – кивнул Иванов. – Пожалуй. Это одно из возможных объяснений. То есть мозг выделяет самое редкое, исключительное, такое, чего больше рядом нет.

Я подумал, что в той моей ссадине не было ничего исключительного. Обычная ссадина. Каждый рано или поздно разбивает ногу о камень или падает с велосипеда на шершавый асфальт. И ситуация сама по себе исключительной не была. В футбол играли в детстве практически все. Я хотел продолжить размышлять, но Иванов нетерпеливо подогнал меня:

– Ну же, что у вас там дальше?

– "Скобки – магнитофон". Ну, это совсем просто. "Скобки" по-английски "brackets", "bracket" – это подставка, подставка – это колонна, а колонки – это громкоговорители для магнитофона.

– Мм... – Иванов выглядел не вполне удовлетворённым. – Как-то всё это слишком длинно. Я бы сказал, слишком рассудочно. Может быть, скобки просто напомнили вам внешний вид магнитофона с колонками?

– Возможно, – подтвердил я. – Но вообще-то это моя ассоциация – как хочу, так и толкую.

– Ладно-ладно. Не сердитесь, – Иванов поспешил замять вопрос. – Продолжайте.

– «Дерево – смерть».

– Почему? – Иванов округлил глаза.

– Не знаю.

– Попробуйте объяснить.

– Не могу.

– Может, сучья деревьев кажутся вам похожими на руки мертвецов?

– Вам лучше знать. "Хвост – сеть".

– Погодите вы с хвостом... "Смерть" – это слово необычное, просто так оно в голову не придёт. Вы боитесь деревьев?

– Нет. Я собак боюсь.

– Может быть, вы просто очень часто думаете о смерти?

– Может быть.

– А когда вы видите дерево, вы чего-нибудь боитесь?

Моё терпение уже кончалось.

– Послушайте, доктор, вы маньяк. Ну с чего бы я боялся деревьев?

– Но почему смерть?

– Ну, не знаю... Может, мертвецы в земле, а деревья оттуда воду сосут. Может быть, поэтому.

– Хорошо. А хвост?

– Какой хвост? Фу... Ну вы и скачете... "Хвост – сеть", потому что у кошек шерсть растёт вдоль хвоста, а полоски поперёк. Получается сеть.

Иванов снял очки и принялся тереть пальцами уголки глаз.

– А когда вы говорите «сеть», вы вообще какую сеть представляете? Рыбацкую?

– Да трудно сказать, – ответил я. – Просто сеть. Клеточки. Вроде как решётку.

Решётка висит передо мной, расплывчатая, синяя, зыбкая. Мне холодно. Я по-прежнему бос, и ноги, стоящие на бетонном полу, коченеют. Я поджимаю их под себя. Я понимаю, что сижу в «обезьяннике». Или в том, что в этом странном синем мире заменяет камеру предварительного заключения. Отчего-то меня не очень это волнует. Я всё ещё наполовину там, в своём видении. Что это вообще было? Это не сон. Слишком реалистично. Я по-настоящему переживал всё, что произошло. Это не похоже на обычное воспоминание. Как будто бы я просто перескочил сознанием назад во времени, но при этом переместилось только моё «я», осознание себя как личности, а память и знания остались от того человека из прошлого. Тот я не знал, что с ним произойдёт в будущем. Правда, я, находящийся вроде как в будущем, вообще мало что знаю.

Я сижу на твёрдой скамье. В правой части живота ноет. Не знаю, что это может быть. Печень? Вроде не тут она, а левее. А что тогда? Что бывает, кроме печени? Я явно не спец в анатомии. Печень, печень... Печенье? Печенье может болеть? Оно может встать поперёк кишки и острыми краями колоть меня изнутри. Наверно, так и есть. Железное печенье. Только откуда оно взялось? Чуть какая... Ещё болит рука в запястье. Жжёт левую скулу. Похоже, там свежая рана. Может, в «бобика» неаккуратно сажали?

Я начинаю осознавать реальность. Я в отделении полиции. Меня застали на месте преступления. Я никого в этом мире не знаю и даже не представляю, что произошло в кабинете Иванова. Похоже, меня ничего хорошего не ждёт. Что делать?

Я должен видеть сквозь решётку, но не вижу ничего. Темно. И сама решётка выглядит, словно полосы синего тумана. Грохот. Полосы расплываются. Из темноты появляется фигура уродливого чудовища. Тушка округлая, короткая, как обрубок. На ней щетинятся то ли части брони, то ли оружие. Лапки сучат, жвалы шевелятся. До меня доходит, что существо обращается ко мне, но я почти не слышу звуков.

Я поднимаюсь со скамьи и шагаю в его сторону.

– Что? – переспрашиваю я.

– На выход, говорю, – отвечает полицейский. – Выпускают вас.

– Выпускают? – я не понимаю смысла этого слова и сквозь синюю муть следую за неуклюжей фигурой.

– А что вас держать? – говорит чудовище. – Личность ваша установлена, показания подтвердились. Да и жмурик ваш, как предварительно утверждают эксперты, умер естественной смертью.

Я утыкаюсь в деревянную стойку. Моя личность установлена. Каким образом? Кто я? И что значит «показания»? Я давал показания?

– Вот здесь распишитесь, – кончик лапки моего освободителя тыкается в зеленоватый документ, лежащий на стойке. Я догадываюсь, что бумага на самом деле пожелтевшая.

– Показания? – бормочу я, выводя на документе свою подпись. Стоп! Присматриваюсь к подписи, насколько могу. Различаю сплетение трёх букв. Кажется, В, К и А. Или Б, Р и Л?

– У вас снова провал? – уточняет чудовище. Его глаза кажутся мне в тумане огромными, сетчатыми. – Вы объясняли уже. Вы к доктору из-за проблем с памятью обращались. И за содержимое карманов распишитесь.

Я расписываюсь, при этом принимая из конечностей полицейского маленький пакетик, в котором лежат, кажется, несколько монет, ключ и потёртый смартфон с разбитым экраном. Интересно, был ли он разбит, когда меня забирали? Не помню, как и всё остальное.

– Всё, вы свободны, – говорит существо и вдруг придвигается ко мне своей огромной головой. Между его жвал что-то шевелится, издавая шипящие звуки, похожие на шёпот: – Мужик, я бы на твоём месте скорее валил, пока начальство не передумало. Глухарей-то у нас всегда хватает...

– Спасибо, – говорю я и как могу быстро двигаюсь к выходу.

– Живёте-то где, помните? – кричат мне вдогонку.

– Да, – почему-то отвечаю я, со скрипом отворяя тяжёлую дверь. Вылетаю на улицу и снова осознаю, что на мне нет ни ботинок, ни носков. На улице не жарко. Похоже, вечер. К тому же накрапывает мелкий дождь. Асфальт мокрый и неприятный. Я двигаюсь наобум. Подальше отсюда. Скорее. Где мои ботинки? Должно быть, оставил у Иванова. Нужно идти туда.

Иду, иду. Ковыляю. Ноги заплетаются. Синие сумерки, подрагивая, плывут мне навстречу. Кажется, я далеко уже ушёл. Иванов, Иванов... А где его кабинет? Останавливаюсь. Не знаю, где кабинет. Да и я сам непонятно где. Ноги мёрзнут от соприкосновения с холодными лужами. Хочется оторвать ноги. В смысле, от земли их оторвать и взлететь. Впереди автобусная остановка. Пустая. Под крышей не капает. Сажусь на слегка влажную скамейку, поджимаю

ноги. Ловлю себя на том, что я только что сидел так же в «обезьяннике». Невероятная история. Она не могла произойти со мной. Может, мне всё привиделось? Не могу поверить, что попал в полицию. И тем более – что полиция может просто так отпустить. Даже не избили. А может, не помню.

Жёлтая виолончель. Жёлтая виолончель. Я не могу сидеть тут вечно. Я хочу есть. Хочу согреться. Что для этого нужно? Чтобы поесть, нужно купить еды. У меня есть немного мелочи. Но хватит ненадолго. А что дальше? Чтобы согреться, мне нужно найти мой дом. У меня наверняка есть дом.

Странно вот так, посередине жизни, ощущать, что не понимаешь, кто ты и откуда взялся. Должно быть, человечество в целом ощущало примерно то же самое, когда стало понемногу соображать. Пока люди бегали с палками за мамонтами и не имели времени подумать, всё было хорошо. Замечался о смысле жизни – получил бивнем под ребро. Идиллия. А потом, когда стало чуть полегче, когда запаслись мясом на день вперёд, вдруг люди задумались – а мы кто? Откуда мы? Нас кто-то создал? Или мы сами из праха выползли? И появилось множество религий, теорий, возможных объяснений... Вот и я так же – могу о своём прошлом только гадать.

Жёлтая виолончель. Скоро будет война. С чего я это взял? Наверно, здесь много больных людей. У одного живот болит, у другого нога. Все чем-то недовольны. А виноват кто? Враг. Вон там, за бугром. Что за бред я несу? Бред, бред. Горшки. Вот горшки помню. Плывут вокруг меня. Корабль. Куда плывём? Наверно, как раз на войну. Вон и доспехи. Щит красивый, медный. На нём отчеканены две змеи. Одна скоро поглотит другую. А та – никак не проглотит первую. Горшки. Может, я тоже горшок? Или был горшком? Лежал среди других горшков, плыл воевать...

Да нет, это ерунда. Горшок не может ничего помнить. Или может? Всё из частиц, одних и тех же. Атомы. А атомы почти пусты. Почему бы атомам не помнить? В них так много места для воспоминаний. Со временем горшок рассыпался в пыль, кто-то эту пыль вдохнул и родил Иакова. А Иаков ещё кого-нибудь. А его потомок – меня. А я рожу кучу пепла в крематории и из него слепят горшок. И этот горшок будет помнить, как я тут бродил и бредил...

Воин вот ещё. Стоит, видишь ли. Грозный. Со щитом и мячом. На этом щите другая картина. Сельскохозяйственные работы. Тут обмолот, там окот... А тут вон трактор с бороной. На бороне ворона. На вороне корона. А на мяче размашистые подписи всей ахейской шайки. О чём я?

Голова не работает. Надо почистить, почистить... Что я имею в виду под словом «почистить»? Там и так абсолютно пусто. Наверно, «почистить» означает убрать эту проклятую плёнку, которая скрывает воспоминания.

Кусочек информации всплывает. Был такой фильм, «Обломок империи». Не знаю, смотрел я его или нет. Но содержание откуда-то знакомо. Может, читал о нём или слышал. Человек, потерявший память, забыл, что произошла революция семнадцатого года, и знал только то, что было до неё. Ему было проще. Он что-то помнил, и поэтому был обломком империи. Я не помню ничего. Что я такое? Обломок пустоты?

Нет, всё-таки обрывки есть. Вон, даже про фильмы старые. Догадываюсь, что учился в школе. Может, и в этом, как его... В институте или университете каком-нибудь. И там получал какие-то знания. Может быть, там учили ориентироваться на местности? Или выживать в городе без денег и еды? А я забыл.

Осознаю, что у меня в руках пакет. Достая из него мелочь, пересчитываю. Пятьдесят четыре рубля. Но не могу понять, много это или мало. Не помню ни одной цены ни на одну вещь. Кажется, буханка хлеба стоит 24 копейки. Если так, то я богат. Надо купить еды. Живот ноет справа внизу и немного жжёт по всему кишечнику. Интересно, до потери памяти тоже было так?

Убираю мелочь в карман. Смотрю на ключ. Ключ обычный, плоский. Ни брелока, ни колечка. От чего он? Наверно, от дома. Почему он синий? А, да, всё же синее. Ключ тоже в карман.

Телефон с экраном, покрытым паутиной из трещин. Пробую включить. Он мёртв. Просто села батарейка или он уже никогда не заработает? Открываю корпус, убеждаюсь, что сим-карта на месте. Может быть, на ней есть чьи-то номера? Нужно попробовать зарядить. Но у меня нет ни зарядки, ни тем более розетки. А бывают розетки без квартир? Прилетит ко мне одна такая, скажет: «Бонжур, месье. Не желаете ли воспользоваться током?» И я сразу суну в неё пальцы. И всё вспомню. Хотя не пролезут пальцы. Толстые.

Сидеть на месте глупо. В конце концов, я просто замёрзну. Или с голода умру. Вокруг ни души. Что это за город? Если Москва, то где все люди? Я понимаю, что уже темно и дождь, но я уверен, что в Москве всё равно не бывает так безлюдно.

Магазин. Нужен магазин. Куплю хлеба, колбасы. Зарядку для телефона. Ботинки. Пятьдесят четыре рубля должно хватить.

Я встаю со скамейки и иду наобум. Фонари расплываются над моей головой, превращаясь в причудливые синие цветы. Как выглядит магазин? Думаю, что увижу его и узнаю.

Итак, сколько же хлеба я могу купить? Пятьдесят четыре рубля поделить на двадцать четыре копейки... В моей голове возникает столбик. Два запишем, умножим... Мозг не слушается. Может, допустить, что цена 25 копеек? Тогда вычислить проще. В рубле получается 4 буханки. Четыре умножить на двадцать четыре... Стоп, почему на двадцать четыре?

Впереди и сверху посреди ночного неба маячит фиолетовое число «24». Оно переливается и плывёт сквозь синюю дымку куда-то вниз, и я понимаю, что, задрвав голову, опрокидываюсь назад. Кое-как сохранив равновесие, осознаю, что это – вывеска круглосуточного магазина. Шагаю туда, по пути успев оценить количество буханок снизу двумястами штуками.

Дверь тугая, скрипучая. Пробираюсь внутрь. Кругом полки с пёстрыми товарами, из которых подавляющее большинство – бутылки с пивом и прочей дрянью. Они меня не интересуют. Я начинаю понимать, что ботинок и зарядки мне здесь не купить. Но это ничего. Буханка хлеба – тоже неплохо.

Продавщица, полноватая женщина, похожая на армянку, покачивается за прилавком. Её взгляд – недовольный, настороженный – ощупывает меня. Да, я понимаю, что выгляжу не очень хорошо. Грязный, нечёсанный, заросший, да ещё и босиком.

– Извините, – говорю я. – А чёрный хлеб у вас есть?

Её ответ раздаётся словно бы издалека. Синяя дымка плохо пропускает звуки. Я догадываюсь больше по мимике, что ответ «нет», но она говорит что-то ещё...

– Простите? – переспрашиваю я.

– Только белый, говорю! – выкрикивает она. На лице отражается злоба.

– Сколько стоит?

– Тридцать пять рублей, – отвечает она.

Я дрожащей рукой вываливаю на прилавок мелочь. Совсем не двадцать четыре копейки. Откуда я взял такую цену? И если в реальности хлеб стоит тридцать пять рублей, то о ботинках и зарядке для телефона можно не мечтать. И, боже мой, сколько же я должен зарабатывать при таких ценах?

Я принял из окошка шаурму – аппетитную, аккуратно завернутую в пакетик и помазанную с одного конца майонезом. Хотя нет, слюнки у меня вовсе не текли. Честно говоря, она мне уже надоела, эта шаурма. К тому же делали её в палатке возле офиса из рук вон плохо. Совсем немного курицы сомнительного качества, а основное содержимое – нашинкованная капуста, которой я всё время давился, перемешанная с острым соусом и ошмётками помидор.

Я отошёл в сторонку, в промежуток между палатками, и принялся жадно есть. Жир вперемешку с майонезом и кетчупом всё время норовил капнуть на футболку, и я осторожничал как мог. Приличных футболок у меня было две шутки.

В дупле зуба застряла упругая, прогибающаяся под языком субстанция. Должно быть, кусок куриного хряща. Выковырять его не получалось, но я помнил, что для таких случаев у меня среди бумаг на рабочем столе была припрятана пара зубочисток.

Я доел последние кусочки, буквально выгрызая их из налитого мерзкой жирной жидкостью пакета. Чуда не произошло. Огромная грязно-жёлтая капля приземлилась мне на колено, оставив на джинсах длинный неровный след. Я как мог оттер её салфеткой, но настроение сильно упало. Других джинсов у меня не было.

Я двинулся к офису. Прошёл в калитку из чугунных прутьев, поднялся на крыльцо. Вокруг двери боковым зрением заметил несколько табличек с золотыми буквами. Пожилой охранник в чёрной униформе слегка пошевелился в своём закутке, когда я проходил мимо, но не соизволил даже открыть глаза, а только причмокнул губами и сполз чуть ниже в кресле.

Лифт не работал. Я зашагал по лестнице наверх. На четвёртом этаже приложил к считывателю у двери пропуск и вошёл. Помещение было плотно забито столами, за каждым из которых, вглядываясь в монитор, кто-то сидел. Если присмотреться внимательнее, можно было догадаться, что раньше здесь был огромный актов зал. Убрали сцену, поставили перегородки, проложили сетевые кабели и электричество под фальш-полом – и теперь это слегка напоминало офис. Или конюшню, пожалуй, с крохотными стойлами для людей.

Я направился на своё место – в дальний справа угол, но меня окликнул худой паренёк в очках и с длинными волосами, занимающий ближний к двери стол. Я не помнил, как его звали. Гриша, что ли? Вроде как секретарь и отдел кадров в одном лице.

– Эй! – сказал он. – Отмечайтесь с обеда.

Я совсем забыл об этом нововведении. Склонился над тетрадкой, лежащей на столе Гриши... А, нет, он же Гоша. Точно. Нашёл свою фамилию, записал время прихода, поставил подпись. Потом продолжил путь к своему компьютеру. Чуть не столкнулся с Пашей Краматорским.

Он качнулся в сторону, уворачиваясь, взмахнул руками, при этом уронив стоящую на чьём-то столе бутылку с водой, а затем вдруг схватил меня за предплечье и начал вещать с высоты своего огромного роста:

– Ты представляешь, что до меня сегодня дошло? Мы же все под водой! Мы ходим медленно, дышим кое-как, а всё потому, что вокруг вода. Невидимая.

– Это воздух, – возразил я и попытался пройти дальше, но Паша меня не отпускал.

– Э, брат, – он покачал своей большой угловатой головой, увенчанной бесформенным снопом светлых волос, – ты неправ. Воздухом дышать можно. Я вот что придумал. Надо поставить насос. И качать воду в космос.

– Так же воздух выкачаешь, – сказал я машинально, хотя не пытался вникать в его бред. – И дышать нечем будет как раз.

– Ага, – кивнул он. – Это я не учёл. Надо будет подумать.

Он выпустил меня и двинулся дальше, похожий на огромную тощую башню, которая не падает только потому, что её в нужный момент подхватывает ветер.

Я, наконец, добрался до своего места и уселся на потёртый полуразваливающийся офисный стул, собираясь заняться делом. Но тут же громогласный и бодрый голос Паши заполнил собой зал:

– Внимание, внимание! Прошу послушать меня несколько минут.

Молодёжь за компьютерами зашевелилась, нехотя оторвалась от работы, и постепенно все взгляды обратились на Пашу. Я заметил, что из угла, где был сооружён из гипсокартонных стен небольшой кабинет, появился Левин. Тоже приготовился слушать. На лице его было напи-

сано тревожное ожидание, смешанное с недоверием. Глазки бегали, руки двигались непрерывно, то хватаясь друг за друга, то шевеля пальцами, то обвисая вдоль тела.

– Так дальше жить нельзя! – провозгласил Паша. – У нас уже довольно большая команда. А бардак страшный. Проектов куча. Каждый документацию хранит, как придётся. И даже код лежит у всех в разных местах.

– Так заказчики же, – возразил маленький чернявый паренёк возле окна, Эдик Панченко.

– Что заказчики? – не понял Паша.

– Ну, мы вот, к примеру, у заказчика код храним. Где они скажут, – пояснил Эдик.

– Ну, заказчики – это да, – согласился Краматорский, дёрнул шеей, махнул рукой и продолжил. – Но есть же у нас свои проекты. Что-то же мы и своё кодим.

– Чего-то кодим, – кивнул Эдик.

– Ну вот, – развёл руками Паша. – Надо установить систему контроля версий. Общую для всех. СиВиЭс какой-нибудь.

– CVS – вчерашний день, – возразил светлый полноватый парень слева от меня, Андрей Селюков. – На Subversion надо переходить.

Из-за стенки, разделяющей офисное пространство на несколько зон, послышались голоса:

– Лучше уж Перфорс!

– Да вы что? Гит круче всего!

Я грустно подумал про себя, что уже не причисляю себя к молодёжи. Им лишь бы что-нибудь новенькое попробовать. Услышат незнакомое слово – и сразу тянутся к нему. Новая технология, круто. А я наоборот. Стараюсь держаться за знакомое, испытанное. Старею.

Левин, до сей поры молчавший, сказал негромко, не очень уверенно:

– Перфорс-то, между прочим, платненький.

Паша Краматорский обернулся к нему:

– Так купим! Мы же позиционируем себя как современную динамичную компанию. Неужели мы не можем софт легально покупать?

Глаза Левина бегали по помещению, стараясь не наткнуться ни на чьи взгляды.

– Надо подумать, посчитать... – пробормотал он.

– Посчитаем, – заверил его Краматорский. – И ещё одно дело есть. Надо нам какой-то процесс вводить. Для начала давайте ревью кода, что ли.

– У нас же ресурсов не хватает, – возразил Эдик. – Баги фиксить некогда, а ты говоришь – ревью.

– Э, – сказал Паша. – Ну, тогда давайте хоть по утрам митинги проводить. Десятиминутные. Вроде как стендап. Каждый рассказывает, чего делает и будет делать в течение дня.

– Не хватит десяти минут, – сказал Эдик. – Нас тут уже тридцать человек с хвостом. Да и зачем?

– Как зачем? – возмутился Паша. – Надо же постепенно как-то развиваться! Пусть каждый хоть по десять секунд выступает, что ли. Завтра начнём. В десять.

– У меня завтра экзамен, – сказал Селюков. – С утра. Так что я опоздаю.

– Ну, в следующий раз поучаствуешь, – сказал Паша. – Или вот что. Давайте прямо сейчас попробуем. Пусть каждый быстро скажет, чем сейчас занимается и что собирается делать оставшуюся часть дня.

– Всё-таки не понимаю я, зачем, – вздохнул Эдик. – Мы и так по два отчёта каждый вечер шлём.

– Давай с тебя начнём, – проигнорировал Паша его замечание и ткнул рукой в меня.

– Э, – сказал я. – Тестирую пользовательский интерфейс портала «Суперкредит», тест план номер 2. Ну, и параллельно Элемента поддерживаю.

– Понятно, – сказал Паша. – Андрей следующий.

– Стоп! – вмешался Левин неожиданно резко. – Какой ещё Элемент? Павел, мы, кажется, уже договаривались.

– Жора... – Краматорский замахал руками. – Ну, перспективная же вещь! Мы для этого же всё...

– Перспективки сомнительные, – перебил Левин. – Никакого прогресса. Никто не заинтересовался. Прибыли не вытанцовывается.

– Не могу согласиться, – сказал Паша.

– Павел! – Левин насупился. – Проект Элемент закрыт! И больше чтобы в ваших отчётах я словечка о нём не видел. Или у вас свободное время есть? Так могу ещё работкой загрузить. Заказчики-то есть перспективненькие.

Паша хотел что-то возразить, но не решился.

– Хорошо, Жора. Но давай всё-таки говорить «приостановлен».

– Пусть так, – согласился Левин. – До лучшего времечка.

– Продолжаем, – сказал Паша, и все стали рассказывать о своих задачах на сегодня. Я отвернулся к монитору. Передо мной была открыта чёрная текстовая консоль. Я хотел что-то в ней набрать, но пальцы не слушались, и я просто тупо смотрел в неё, как в бездну. Через несколько минут подошёл Паша.

– Ты это, – сказал он тихо, – код на всякий случай сохрани.

– Само собой, – ответил я.

– Левин тебя вызывает.

Я встал из-за стола и направился в закуток Левина. Открыл дверь. Левин сидел в кресле и читал какую-то бумажку. Выглядел он, прямо скажем, не очень. Одного возраста со мной, но уже сильно плешивый, руки дрожат, живот висит между ног.

– Присаживайся, – сказал он, придвигаясь ближе к столу.

Я сел.

– Ты, наверное, в курсе, – начал он, – что мы в этом здании как бы не совсем легально находимся?

– Ну да, – ответил я. – Слышал.

– Это вроде как образовательное учреждение. И работать здесь могут только те, кто образовательные услуги оказывает. Я, как мог, оттягивал, но ходят слухи, что может быть проверочка...

Он замолчал. Я ожидал продолжения.

– Я просто что подумал, – его глаза спрятались под стол и начали там шарить. – Раз ты заговорил про Элемента, значит, есть у тебя немного свободного времени... Придётся нам школу организовать.

– Что за школу? – не понял я.

– Преподавать что-нибудь. Мы с Павлом подумали – проще всего тестирование.

– А я при чём?

Левин усмехнулся.

– А кто же ещё преподавать будет? Павел не хочет, а студентики уж больно выглядят несерьёзно...

– Я тоже вроде как не хочу, – перебил я.

Левин нахмурился, но лишь на секунду, а затем продолжил с ухмылкой:

– Не отказывайся. Всё равно придётся тебе. Если хочешь, можешь помощника взять из студентов. Денег доплатим.

– Доплатим?! – я почувствовал, как кровь приливает к голове. Постарался успокоиться. Встал. – Ты зарплату когда выдашь хотя бы?! Я уже два месяца ничего не получал!

Левин убрал с лица усмешку и отстранился от стола.

– Что-то нервишки у тебя не очень, – заметил он. – Не могу я зарплату пока. Заказчики тянут. А один вообще пропал. Ты представляешь?

– Нет, – ответил я, возвращаясь на стул.

– Сейчас, – Левин отвернулся к сейфу, открыл его и долго копошился там. Через пару минут протянул мне мятую бумажку в двадцать долларов. – Держи. Это авансик, будем считать. За школу. Из своих отдаю, учти.

Я с некоторым сомнением принял доллары:

– Что же я буду преподавать?

– Да неважно, – ответил Левин. – Я наберу людей, которым лишь бы что, только бы денежек поменьше платить. Почитай в Интернете статейки про теорию тестирования. Водички полей побольше. Да, и вот ещё что. Мне выделили соседний класс. Там надо будет машинки поставить. Я достал сильно бэушных десять штук. Постарайся их завести, виндушечку установи, сеточку сделай. Диск вот, – он подвинул мне поцарапанную коробку с самописным диском, на котором было написано чёрным маркером «windows XP» и ещё цепочка символов, означающая лицензионный ключ.

– Когда это всё? – спросил я.

– Ну, после работы, конечно, – ответил Левин. – Хотя бы пару раз в неделю. А начнём, как только людей наберём. Я постараюсь побыстрее. Так что машинками займись, не откладывая, лучше бы сегодня. Ключ от кабинета вот.

Я принял ключ.

– Ладно, – сказал я. – Но насчёт зарплаты ты подумай.

– Стараюсь, как могу, – Левин деланно приложил руку к сердцу. – Ладно, иди.

Я, словно во сне, шёл к своему компьютеру, проклиная себя за то, что согласился. С другой стороны, в кармане у меня лежали живые двадцать баксов, а это само по себе было фактом отрядным.

Я взглянул на экран монитора. На чёрной консоли светилась надпись: «Есть желание крепкий».

– Что? – не понял я. Набрал на клавиатуре: «Что?»

Заскрежетал винчестер. Прошла минута, и я прочитал одно слово – «Сохранить». Я попытался понять, что бы это значило.

Я открываю глаза. Скорее всего, меня заставил проснуться запах. Да, я чувствую запах. И это было бы здорово, если бы запах не был таким отвратительным. Я лежу на скамейке лицом в собственной блевотине.

Чуть приподнимаюсь. Рукой пытаюсь вытереться. Фу. Холодно, темно. Ощущаю сильную давящую боль в правом боку. Что это ещё? Стараюсь выпрямиться сидя, так вроде бы полегче. Среди извергнутых мною остатков еды лежит недоеденная горбушка батона, вся испачканная в мерзкой субстанции. Еле сдерживаюсь, чтобы не извлечь её и не догрызть. Брезгливость чуть перевешивает голод.

Замечаю, что льёт дождь. Не очень сильный. Понимаю, что дрожу. Где я? Скамейка в парке. Недалеко горит тусклый фонарь, конусом света выделяющий на фоне темноты кусочек мокрой асфальтовой дорожки.

Болит горло. Что мне делать? Я точно тут долго не протяну. В животе жжёт. Надо идти куда-то, где есть крыша. Зачем я ушёл с остановки? Где она? Мои босые ноги наступают в лужу, и от этого по телу пробегает новая волна дрожи. Начинают стучать зубы.

У меня же есть ключ. Может быть, это тот самый, от класса, который мне дал Левин? Я могу пойти туда, на работу. Только где она? Скорее, скорее, туда, где тепло...

Съёжившись под дождём, иду наобум. Тяжело искать то, что находится неизвестно где, если не знаешь, где находишься сам. Может быть, есть ориентиры, которые я смогу узнать?

Сквозь синюю пелену всё выглядит незнакомым. Приближающийся забор, распахивающаяся калитка... Нет, это не та, через которую я заходил на территорию университета... Так это был университет? Пытаюсь припомнить таблички на входе. Они расплываются в памяти, и я не могу разглядеть буквы на них.

Что с моей головой? Это совсем не похоже на похмелье. Что со мной сделал Иванов? Или дело совсем не в нём?

Так. Я всё-таки что-то помню. Например, это Москва. Точно Москва. Что я знаю о Москве? Её основал Юрий Ногорукий... Нет, Долгорукий. Хотя нет. Где-то я точно читал, что это неправда. Тогда кто основал? Вспоминается какой-то Кучка. Или какая-то Кучка. Какая Кучка? Какие я вообще знаю кучки? Ну, Могучая кучка... Если она могучая, то вполне могла основать Москву...

Кусты, постриженные причудливыми параллелепипедами, преграждают мне путь. Обхожу. На одном из кустов болтается голубая грязная тряпка. В моей голове рождается какая-то мысль, но я никак не могу понять, о чём она. Затем срываю тряпку с ветки, вытираю об неё озябшие ноги и рву на две половины.

Так... Что ещё я помню? Если человеку всё время говорить, что он свинья, то он начинает хрюкать. Но из каждого свинства можно извлечь кусочек ветчины. И гусь свинье не товарищ. Как странно. Почему все пословицы про свиней? Наверно, свиньи – выдающиеся существа. Помнится, на них испытывают медикаменты. И стреляют в них, чтобы учиться обрабатывать раны. И даже, кажется, была история про то, что изобрели восстанавливающую свинью. Можно отрезать кусочек, съесть, а свинья будет жить дальше. Да, похоже, что свиньи – это идеал, к которому надо стремиться. Свиньям достаточно только вывалиться в грязи и сожрать достаточное количество помоев. Свиньи не совершают революций. У них нет гражданского общества. Идеальная семья – хряк, свиноматка и три розовеньких поросёночка. Боже, куда меня понесло?

С ногами, замотанными в грязно-голубую ткань, идти чуть легче. Дрожь немного спадает. Ещё бы защититься от воды, которая льёт сверху сплошным потоком. Была в прежние времена такая вещь, которая могла мне помочь. Не помню, как называется. Зонд? Нет, зонт. Точно. Вспомнил. Жёлтая виолончель. Жёлтая виолончель.

Тропинка идёт круто вверх. Я карабкаюсь по ней, стараясь наступать на камни, которые меньше скользят, чем коричневая жижа. У меня возникает ощущение, что я это уже переживал раньше. Или видел в кино? Или видел не я?

Куда я иду? Зачем? Чего я хочу? Согреться. Чтобы ничего не болело. Чтобы знать, кто я и где. Как полиция установила мою личность? У меня же не было документов. По крайней мере, мне их не вернули. Может, позвонили кому? Значит, у меня есть друзья или родственники. Или, может, я у них есть в какой-нибудь базе данных с фотографией? Может, я бандит? Да нет, это полный бред, судя по тем обрывкам, которые я уже вспомнил. Хотя, учитывая вспышки гнева, я вполне мог быть знаком с полицией и раньше. Неприятно об этом думать. Не буду. Куда это я забрёл?

Я стою на пригорке, поросшем густой травой. Впереди видны огни города. Кажется, скоро утро. На горизонте небо уже немного светлеет. Огромный город. Как он называется? Что-то простое, знакомое, родное. Силуэты высотных зданий пытаются разбудить мою память.

– Простите. Что вы сказали?

Иванов рассердился:

– Постарайтесь уж хоть капельку сосредоточиться. Мы с вами серьёзнейшим делом занимаемся.

Я снова сидел в его кабинете. Иванов стоял возле шкафа и смешивал какие-то порошки в стакане воды.

– Так что вы спросили? – уточнил я. – Извините, задумался.

– Я спросил, давно ли вы живёте в Москве.

– Можно считать, что давно, – ответил я. – Когда-то учился, в общежитии жил, теперь вот комнату снимаю.

– А в деревне когда-нибудь прежде жили? – Иванов сел за стол и пододвинул мне стакан. – Выпейте, пожалуйста.

– Ну, предположим, жил. А что?

– Это очень хорошо.

Я отпил глоток тёплой зеленоватой прозрачной жидкости. Вкус был резким, химическим. Я поморщился.

– Что это? – признаться, я малодушно усомнился в этот момент, а надо ли пить то, что предложил этот странный, недостаточно хорошо знакомый мне человек.

– Ну, считайте, что чай, – ответил Иванов.

– Вы не отравить меня хотите?

– Ни в коем случае. Да не волнуйтесь вы, я сам употреблял подобный состав.

Я успокоился и быстро допил стакан.

– Вот как раз из-за этой жидкости мне и приходится носить перчатки, – как бы между прочим заметил Иванов.

Я насторожился.

– И вы мне только теперь это говорите?

– Да вы не переживайте, – он расслабленно откинулся на спинку. – Во-первых, у вас концентрация заметно слабее. Во-вторых, я специально сделал состав немного безопаснее. А в-третьих, чем меньше нервничаете, тем меньше риск.

Иванов взглянул на свои наручные часы – большие, золотого цвета.

– Оно начнёт действовать минут через пять-семь. За это время успею вам объяснить некоторые важные моменты. Расслабьтесь.

– А как оно должно... действовать? – уточнил я, пытаюсь повторить позу Иванова, который сидел в кресле спокойно и безмятежно.

– Реальность должна для вас отступить на второй план, – сказал Иванов. – Я надеюсь также, что ваши подсознательные процессы усилятся. Но посмотрим. Может и вообще не подействовать. Я пока только на себе проверял.

– Так что же случилось с вашими руками? – спросил я. Пока я ничего особенного не чувствовал, кроме металлического привкуса во рту.

– Знаете, – Иванов в очередной раз поправил очки, которые и без того сидели идеально, – я ведь был раньше врачом. Интересовался психологией. И, наблюдая за некоторыми любопытными случаями, пришёл к выводу, что причиной многих болезней является чистая психология.

– Это же известный факт, – сказал я. – Потому и применяют плацебо.

– Да, – согласился Иванов. – Но всё намного сложнее, чем думает большинство людей. Вы знаете, к примеру, что такое аутоиммунные заболевания?

– Вроде нет.

– Это случаи, когда организм начинает принимать свои собственные ткани за чужеродные. Бывают разные формы, но суть приблизительно одна. Так вот – я уловил некую связь между душевным состоянием пациента и возникновением таких болезней. Провёл простейшие эксперименты, которые были возможны в моём тогдашнем статусе. Из трёх наблюдаемых мной случаев в двух я смог значительно улучшить клиническое состояние.

– А в третьем? – спросил я.

– Это не имеет отношения к делу, – он недовольно наморщил лоб. – Но с тех пор я задался целью научиться лечить болезни без лекарств и операций.

– Многие этим занимаются, – заметил я.

– Да? – в голосе Иванова послышалось удивление и недоверие.

– Ну, как же... Экстрасенсы всякие, колдуны, биоэнерготерапевты и прочие шарлатаны.

– А, вы об этом, – разочарованно вздохнул Иванов. – Нет, я имею в виду вполне реальную помощь больным. Ну, я не думаю, что внушением можно вылечить перелом, но, скажем, дисбактериоз кишечника или, тем более, вегетососудистую дистонию – почему бы и нет?

– Вы сознательно назвали болезни, которых не существует?

Иванов усмехнулся.

– В общем, да. Но надеюсь, что вам удастся убедиться в эффективности моего метода. Я думаю, что он намного мощнее, чем я даже сам могу себе представить в данный момент. И доказательство этого, кстати – то, что произошло со мной в результате внушения. Пусть результат и оказался негативным.

– Не только внушения, – поправил я, – но и приёма неизвестного галлюциногена.

– Ну, строго говоря, вы правы, – согласился Иванов. – Но лично я уверен, что напрямую с химией это не связано. Так вот, у меня после нескольких опытов над собой развилась аллергия на очень большое количество пищевых продуктов. Не могу не только есть, но и дотрагиваться. Иногда и мельчайшей пылинки достаточно, чтобы мне стало плохо. Знаете, все годы, что я страдаю этим заболеванием, мне ужасно хочется шоколада. Он даже снится мне почти каждую ночь. Однажды я не вытерпел и съел маленький кусочек. Сердце начало колотиться бешено, я весь покраснел, лицо распухло, дышать стало тяжело. Потом вырвало, и в себя я приходил несколько суток, несмотря на приём горы таблеток. И хочу признаться, что это меня не останавливает. Я всё ещё надеюсь когда-нибудь снова попробовать хоть крошку. Пусть и ценой таких же страданий. Вот если у меня с вами что-нибудь толковое выйдет, обязательно попробую.

– А что должно выйти? – уточнил я.

– Узнаете. Кстати, как ваши ощущения? Действует лекарство?

– Пока ничего особенного не чувствую.

– Да? – лицо Иванова заметно погрузнело. – А попробуйте-ка покрутить головой.

Я повернул голову влево. Эффект был настолько неожиданным, что я на мгновение потерял способность дышать. Всё, что я только что видел, размазалось в нерезкие разноцветные струи, а затем стало блёкнуть и размываться. Я осторожно вернул голову в прежнюю позицию. Изображение оставалось нерезким и колеблющимся. Я не мог разобрать в нём реальные детали – они превратились в цветные пятна, висящие к тому же очень далеко от меня.

– Ага, побледнели! Значит, всё-таки действует! – интонация Иванова была торжествующей.

Я сглотнул. Мне было страшно. Я почти не чувствовал своего тела. Голова кружилась, и я словно висел в середине огромного мутного шара, лишённый какой бы то ни было опоры.

– Профессор, – я и сам не знал, почему я назвал его профессором, – сколько это будет продолжаться?

– Эффект спадает постепенно, – ответил Иванов. Голос теперь отчего-то раздавался сбоку. – Думаю, в норму вы вернётесь через пару часов.

– Не уверен, что выдержу, – прошептал я. Всё снова кружилось.

– Я помогу, – сказал Иванов. – Представьте себе, что вы идёте вперёд по тропинке в лесу.

Я попытался представить. Прямо передо мной из цветных пятен вырисовывались неясные силуэты деревьев. Мне стало не по себе. Я не привык к тому, что мир вокруг меняется с такой ужасающей быстротой. Мне хотелось закрыться рукой от толстых шершавых стволов, которые выплывают из тумана мне навстречу, но я не представлял себе, где мои руки и как ими пошевелить. Я начал часто дышать. Это придавало хоть какое-то ощущение реальности.

– Вы что-нибудь чувствуете? – спросил Иванов.

– Страх, – ответил я.

– А физически? – уточнил Иванов.

– Тошноту. Или что вы имеете в виду?

– Не имеет значения. Продолжим. Вы идёте по тропинке вперёд. Лес понемногу расступается, и впереди открывается огромное поле, засеянное пшеницей. Оно залито солнечным светом.

Деревья проплыли мимо меня, оставив впереди светлый прогал, в котором я не мог ничего разглядеть из-за слишком яркого света. Я попытался посмотреть вниз и вдруг увидел свои ноги. Они находились где-то очень далеко внизу и шли по узкой, размытой в пространстве тропинке.

– Профессор... – пробормотал я. – Доктор...

– Вы выходите на поле, – продолжал Иванов спокойным голосом. – Прокладываете себе путь прямо сквозь пшеницу. Тяжёлые, налитые зерном золотые колосья достают вам до груди.

– Можно это остановить? – выдавил я. Иванов не ответил.

Я шёл вперёд против своего желания. Колосья... Да нет, совсем это не было похоже на колосья! Меня окружало море шевелящихся грязно-коричневых щупальцев. Я погружался в него всё глубже, и не было никаких способов вырваться.

– Профессор! – крикнул я. – Сделайте что-нибудь!

Я ощутил своё сердце, которое колотилось в груди с невозможной частотой.

– Вы приближаетесь к деревянному дому, – снова заговорил Иванов. – И видите перед собой дверь, закрытую на огромный амбарный замок.

– Герман Иосифович, я не могу! – закричал я.

– Давайте-давайте, – сказал Иванов. – Дальше без меня.

Я приближался к двери. Видимо, от страха всё вокруг снова закружилось, и я напрягся, чтобы удержать картинку приемлемой чёткости. Отчего-то я чувствовал необходимым прожить эти секунды по-настоящему. Но мне было очень страшно.

Я увидел свою руку. Тонкая, беспомощная, словно чужая, она щупала пространство далеко впереди. Наткнулась на замок. Я почувствовал в теле дрожь. Рука дёрнула замок, пытаюсь открыть, и дверь, сколоченная криво из покрытых корой горбылей, тряслась. Замок вдруг стал разваливаться на ржавые бесформенные куски. Он настолько истлел, что превратился практически в труху. Дверь угрожающе распахнулась, будто изнутри подул сильный ветер. И он нёс собой холодную жуть.

Я двигался в дом, в темноту и холод. Навстречу мне не то выплывало, не то прорисовывалось лучиком света изображение старого кресла с гнутыми ножками. В кресле неподвижно сидела старуха. Её лицо казалось одновременно и строгим, и добрым. На плечи был наброшен мохнатый платок, а седые волосы растрёпаны. Я вроде бы знал её, и от этого ощущал необъяснимый страх. Она зашевелилась, взглянула в мою сторону, и на её лице отразилось недовольство. Морщины на лице затряслись, губы зашевелились. Я не слышал её слов, но понимал, что она меня ругает. Она схватилась за подлокотники, и я понял, что она хочет встать, чтобы направиться в мою сторону. Мне стало страшно. Но темнота вокруг вновь сгущалась, окружая и меня, и старуху. Через мгновение я уже ничего вокруг не видел, но чувствовал, что темнота сейчас сожрёт и меня.

Я закричал. Впереди была только тьма. Она кружилась и затягивала. Мне было больно. Сердце билось очень часто. Всё тело словно горело, а в правой части живота что-то давило и резало. Я всё ещё пытался идти вперёд.

Дождь перестал. Но меня трясёт от холода. Я понимаю, что у меня температура. В районе пятки ноет натёртая об обмотки мозоль. Утро. Навстречу движутся синие люди. Они косятся на меня с отвращением. Я ковыляю по узкой улочке, высматривая глазами скамейку. Чтобы немного отдохнуть.

Голова снова начинает кружиться. У меня нет сил идти, и я хватаюсь рукой за подвешенную чугунную ограду. Знакомый узор. Жёлтая виолончель. Почему я всё время вспоминаю про эту виолончель? Узор на ограде – пара кованых листочков. Никакой виолончели.

За оградой – голубое здание, похожее на куб, с широким крыльцом. Я приближаюсь к нему сбоку.

– Это же то место, – шепчу я.

Я работал здесь раньше. Вон там, на четвёртом этаже. Я вглядываюсь в окна сквозь синюю дымку и вижу, что стёкла выбиты, рамы обуглены, а на штукатурке вокруг – следы копоты. Здесь был пожар. Когда? Почему?

Может, это к лучшему? Может, мне можно попасть туда, в явно нежилое помещение, и некоторое время передохнуть? Голова моя работает не очень хорошо, поэтому самые простые идеи радуют. Я прохожу в калитку, поднимаюсь на крыльцо и вхожу.

Прямо передо мной стоит седой морщинистый мужчина в чёрной форме с надписью «Охрана». Я пробую что-то сказать, но язык не слушается, в горле резь, и слова не могут вылезти наружу.

–Что? – спрашивает охранник. – Нет никого. Всё закрыто.

Я хрипло мычу.

– Что тебе здесь надо?! – орёт он.

Я пячусь назад, сумев выговорить «Работаю я тут». Он словно не слышит.

– Пошёл, пошёл отсюда! Не понял, что ли?

Во мне, как и обычно, поднимается злорада. Но у меня нет сил по-настоящему злиться. Я мог бы наброситься на него и перегрызть горло... Как же я хочу есть... И правая часть живота ноет угрожающе. Если бы я съел что-нибудь помягче, он бы наверняка немного успокоился. Кашу. Или кефир. Или банку сгущёнки. Нет, не саму банку, а то, что внутри... Размечтался.

Я иду прочь. Меня трясёт. То ли от беспомощной злобы, то ли от холода. Хотя на улице, должно быть, жара. Синий солнечный свет покрывает асфальт причудливыми тенями, колыхаемыми на ветру. Наверно, у меня температура. Она не даёт голове соображать. План. План. Нужен план. Мне нужно выбраться. Куда?

Куда вообще я должен идти? Язык до Киева доведёт. Язык у меня есть. Нужно ли мне в Киев? Нет. А, вспомнил... Волга впадает в Каспийское море. Хотя точно ли это так? Может, она уже не впадает. С тех пор, как на эту территорию пришли пумы, никогда ничего не знаешь наперёд... Стоп. Какие ещё пумы? Что с моей башкой? Вроде и работает, но не пойми как.

Надо поесть. И найти людей, которые меня знают и могут помочь. И найти денег. И попасть домой, чтобы лечь и принять лекарство. Где мой дом? Где эти люди? И поесть. И домой.

Бреду вдоль по улице. Справа тащится вереница машин. Двигается ещё медленнее меня, потому что впереди пробка. Зачем люди покупают машины? И главное – как? Если сейчас батон стоит тридцать с лишним рублей, то сколько же стоит вот такой новенький «Шевроле»? Тысячу рублей, что ли? Откуда люди берут такие деньги?

Я думаю не о том. Мне надо вспомнить. Вспомнить. Болит горло. Режет в животе. И это всё только для того, чтобы я не смог вспомнить. А может, и не надо вспоминать. Может, там, в моём прошлом, только плохое. Может, я поэтому и не могу вспомнить, что сам себе это запретил.

Какие-то садистские опыты на людях. Уродская работа без зарплаты. Шаурма из капусты. Я не хочу туда, в это прошлое. Я просто хочу найти дом. Поесть и отдохнуть.

Глаза мои выхватывают из синей дымки банан. Он манит меня – наполовину очищенный, зрелый, но в меру. Голубая мякоть, зелёная шкурка... Я бросаюсь к нему, отламываю сколько могу и бегу прочь, оставляя девушку на остановке с раскрытым ртом.

– Э! Что за дела? – доносится сзади. Но мне всё равно. Я уже далеко. С блаженной улыбкой ковыляю в подвернувшийся двор. Присаживаюсь на угол оградки. Жую банан.

Отлично я это провернул. Раз – и еда. Почему-то банан испачкан кровью. А, у меня кончики пальцев в порезах. Откуда? Наверно, зацепился за что-нибудь острое. Вот только когда? Жую. Очень скоро чувствую в животе урчание. Боль отступает. Мысли немного проясняются.

Значит, так. Я заболеваю. Долго на улице не протяну. Нужно искать место, где спрятаться. Лучше всего попасть домой. Для этого надо вспомнить, где я живу. Мозг дарит мне кусочки воспоминаний не случайно, а по какому-то правилу. Скорее всего, окружающая обстановка или мои собственные мысли напоминают мне фрагменты прошлого. Значит, нужно думать о доме. Или находиться рядом с местом, которое может напомнить о доме.

Я встаю. Возвращаюсь на улицу. Я вполне мог здесь идти с работы к метро. И ехать потом домой. Домой. Что там, дома? Жена, дети? Не думаю. Может, любимые предметы. Мягкая игрушка? Да нет, мне же лет тридцать как минимум.

Странно. Я остановился. В одном из кусочков жизни, которые я недавно переживал, была палатка с шаурмой. Как раз напротив входа в то здание. Я вспоминаю этот вход, который видел несколько минут назад. Абсолютно пустая улица. Да там и некуда поставить палатку. Как это может быть? Что это?

Может быть, то, что я вижу – это вовсе не прошлое? Может, это просто такой необычный сон? Но здание, где работал, я вспомнил правильно. И эта дорога ведёт меня к метро. Я в этом уверен. Сейчас убедимся на практике.

Двигаюсь дальше в ту же сторону. Впереди магазинчики, люди толпятся. Большой зелёный вокзал. Это первый ориентир в моих блужданиях, который я точно могу назвать собственным именем. Теперь я знаю, где нахожусь. Метро «Белорусская».

Лохмотья, постеленные на асфальт. Загорелое пропитое лицо. Кривая улыбка, противный жалостливый голос. Баян, играющий заунывную усреднённую мелодию. Попрошайка поёт беззубым ртом свою странную песню:

Не гляди ты так грозно,
Уходи подобру.
Рано всё же иль поздно
А я тоже умру.
И меня похоронят
Под берёзой кривой,
И никто не уронит
Ни слезинки живой,
И могилка осядет
От дождей и ветров.
Проходи, Бога ради,
Коль богат и здоров...

Я не богат. Видимо, не совсем здоров. стакан перед попрошайкой притягивает меня. В нём лежит немного мелочи и, кажется, скомканная пятидесятирублёвка. Я мог бы схватить и убежать. Приближаюсь. Готовлюсь. Но если я схвачу стакан, он погонится за мной. Стукнет баяном по голове. Рядом наверняка прячутся бандиты, на которых он старается. В конце концов, мне просто противно. Я не такой, как он. Как странно. Я украл только что банан у личной девушки, а монетки у этого противного персонажа – не могу. От попрошайки воняет чем-то кислым. Наверно, давно он не мылся.

– Жора, что это за говно?!

Я вздрогнул. Голос раздавался за стенкой. От неожиданности я выпустил из рук шлейф, и он скрылся под толщей подобных. Кажется, голос принадлежал Паше. Ему отвечал Левин, но его было едва слышно, и я не мог разобрать слова.

Я снова извлёк шлейф наружу и воткнул в разъём. Сколько уже винчестеров я перебрал? Штук пять точно. И все либо дохлые, либо чуть живые, покрытые сбойными участками почти полностью. Вокруг меня на столах стояло несколько древних системных блоков, а на стуле рядом была свалена гора комплектующих. Я пытался укомплектовать компьютерный класс из того, что мне предоставил Левин.

– Жора! – раздалось за стенкой. – Знаешь, ты кто? Ты даже не сукин сын, твою мать! Я не знаю, кто ты после этого!

Левин что-то ответил.

– Да продай ты эту плитку! – кричал Краматорский. – А мне денег дай. Мне надо, понимаешь ты или нет?

Снова пауза.

– А ты помнишь, с чего мы начинали? – продолжает Паша. – Ты помнишь, зачем нам вся эта шарашка была нужна? Чтобы ты, скотина, тут всяким барахлом торговал?

Я включил компьютер с помощью кнопки на полуразобранном системном блоке. На старом мониторе с севшей трубкой отобразились блёклые цифры, изображающие тест памяти.

– Да какие клиенты? – заорал Краматорский. – Если они денег не платят, то на хрен они нужны?

Раздался скрежет, потом на экране появилось сообщение, что винчестер не найден. Мне это надоело. Я выключил компьютер и направился к выходу. Я, конечно, мог потратить ещё пару часов и собрать из этого мусора пару работающих машин, но никаких серьёзных программ они бы всё равно не потянули, а чтобы оборудовать класс из десяти компов, как мечталось Левину, и речи быть не могло. Я должен был ему это объяснить, но не сейчас.

Я вышел из класса, запер дверь и не спеша пошёл к лестнице. В этот момент из офиса вырвался Краматорский с криком «Жора, ты мудака!»

Красный, злой, он метнулся мимо меня вниз, затем остановился, обернулся и спросил:

– Ты куда?

– Домой, – ответил я.

– К метро? Пошли вместе.

– Пошли.

Мы вышли из здания. Я уловил от Паши лёгкий запах алкоголя.

– Как у тебя дела? – спросил он после некоторой паузы.

– Нормально, – ответил я. – Вот класс делаю компьютерный. Для школы.

– Для какой школы? А... На фига тебе это надо?

– Мне?

Паша качнул где-то вверху своей угловатой головой:

– Чего ты не отказался?

– Я отказался сначала. Он мне двадцать долларов дал. Как аванс.

– Вот сука, – Паша посмотрел на меня. Взгляд был мутноватый. – Ладно, извини.

Смеркалось. Похоже, я засиделся на работе слишком долго. Мы приближались к метро.

– Знаешь, – сказал я, – а Элемент, между прочим, заработал. Помнишь, мы же хотели, чтобы он ответы на вопросы искал? Ищет.

– Да? – Паша вроде бы слушал, но мысли его были далеко.

– Я тут писал ему задания на русском языке. Типа «Кто такой далай-лама?». Находил, и ответы были грамотные, без ошибок. Только долго очень. Минут пятнадцать. Его бы на машину побыстрее.

– Ну, не бог весть какое достижение – искать инфу в Интернете, – пробормотал Краматорский.

– Это да, – согласился я. – Но он ведь не просто ищет. У него отношение своё к ней есть. И...

Я хотел что-то добавить, но запутался в мыслях и замолчал.

– Ты выпить не хочешь? – спросил Паша.

– Нет, – ответил я.

– Можно, я пива возьму?

– Как хочешь, – я пожал плечами. – Только на улице же нельзя.

– Да пофиг.

Он зашёл в магазинчик неподалёку от метро, а я остался снаружи.

«И правда, – подумал я. – Зачем я согласился на эту школу? Завтра скажу Левину, что не буду вести. А аванс пусть в счёт зарплаты считается».

Паша буквально вывалился из магазина с уже открытой бутылкой «Балтики» в руке. Мы встали с ним между магазинчиками.

– Ты знаешь, что я сейчас придумал? – сказал он, отхлёбывая пиво. – Я поеду жить в Аргентину. Или в Голландию, ещё не решил. Не одобряешь?

– Да нет, почему... Я бы и сам уехал, только куда? И делать там чего?

– Я буду веломобили строить. Сначала открою мастерскую. Экологичный транспорт, дешёвый, топлива не надо.

– Хм, – сказал я. – Наверняка уже многие делают. Почему у тебя будут покупать?

– А у меня не такие будут веломобили, как у всех, – Паша на секунду задумался и отпил ещё пива. – У меня они большие будут, мощные, с багажниками гигантскими, и скорость приличная. Как настоящие машины. Те, которые сейчас – ерунда, они только на мускульной силе работают.

– Так поэтому и веломобиль же, – не понял я.

– Ну да, – кивнул Паша. – Только в человеке больше энергии на самом деле. Вот посчитай. Масса умножить на скорость света в квадрате...

– Э, – я засмеялся. – Ты что, водителя аннигилировать собрался?

– Ну, брат, – Паша развёл руками, чуть не расплескав остатки своего пойла. – Ради хорошего дела почему бы и нет?

Он допил пиво, и мы двинулись к метро.

– А ещё вот я не понимаю, – продолжил он. – Вот «Газпром», например. Зачем он?

– «Газпром»? – не понял я. – Ну, это...

– Нет, ну, я понимаю, – сказал Паша, – что они газ продают, чтобы деньги зарабатывать. А покупают-то этот газ зачем? Вот у меня, к примеру, когда пива выпью или какую-нибудь ерунду съем, тоже газы.

– Так это не те газы... – сказал я, но Паша меня не слушал. Его взгляд был уставлен в пустоту, словно меня не было.

– Вот поставить миллион человек в ряд, заставить всех пердеть – тот же «Газпром» получится, – сказал он, потом споткнулся о гребёнку эскалатора, словно очнулся и снова заметил меня.

– А тебе куда, я забыл? – спросил он, потеряв лоб.

– «Кунцевская».

– Ну, значит по кольцу нам по пути.

Мы спустились, дождались поезда, вошли. Паша повис на поручне, наклонившись надо мной.

– Как у тебя на личном фронте? – поинтересовался он.

– Да нормально, – ответил я. – То есть никак.

– Жениться тебе пора, – сказал Паша.

– Зачем?

– Ну, это ты сам для себя решаешь, зачем. Извините, – Паша нечаянно стукнул локтем по макушке стоящую рядом женщину в берете. – А я тут с такой девушкой познакомился, – продолжил Паша. – Модель. Но при этом умная. Из хорошей семьи.

Поезд закрыл двери и начал набирать скорость. Стало шумно. Я плохо разобрал, что Паша говорит. До меня долетали только обрывки.

– Хочу съездить... Как раз чтобы место найти... Ты не подумай, она не как Катя... Всерьёз... Левин – скотина... А раньше как пел... Мне сразу не понравилось. Сначала учредители это левые... Заказы... Потом тестирование... Студентов тупых за копейки... Вчера зашёл... Плиткой весь кабинет заставлен.

Поезд подъезжал к «Краснопресненской», замедляя ход.

– Что за плитка? – спросил я.

– Да хер его знает, – ответил Краматорский. – Что-то всё мутит. Партию купил, партию продал. Есть у него деньги, точно знаю. Врёт он, что клиенты зажали. Сам копит или тратит на что.

Поезд снова тронулся. Опять стало плохо слышно.

– Уйду я, – говорил Паша. – Только страсти бы... Съездить... Она знаешь какая...

– Слушай, – сказал я, – мне выходить сейчас.

– Может, выпить пойдём куда? – прокричал Паша, наклонившись к самому моему уху.

Я замотал головой.

– Не, не могу. Пока.

– Пока, – голова Паши покачивалась наверху, возле поручня. Он стоял в неуклюжей позе, обвиснув, словно мешок, глаза были сонные и блестящие.

Я вышел из вагона с тяжёлым чувством, будто бросал его в беде. Навстречу мне по переходу шли люди. Девушка с ярко накрашенными выпяченными губами пёрла напролом через толпу, задевая всех уродливой сумочкой. Старушка с маленьким сморщенным подбородком ковыляла, опираясь на замотанную изолентой палочку на трёх ножках. Мужчина зигзагами шёл по тоннелю, на ходу читая сложенную в небольшой прямоугольник газету. Он держал её с отвращением, словно брезговал бумагой.

Я ловлю себя на мысли, что не вижу ни одного счастливого лица. Все синие, недовольные, злые. Стоп, почему синие? Я понимаю, что иду по улице, не заметив, как выпрыгнул вновь из той, другой жизни. Но тут же напоминает о себе простуда. В носу чешется. Я громко чихаю в спешно расступающуюся впереди толпу. Они – расплывчатые. Они что-то недовольно говорят и морщат носы. Я мёрзну. Вечер. Белорусского вокзала не видно. Не представляю, где нахожусь. Правда, теперь я знаю, что живу где-то в районе «Кунцевской». Но туда ещё надо суметь добраться. Во-первых, мне трудно сориентироваться в синем расплывчатом мире. Во-вторых, за короткие фрагменты жизни между провалами в прошлое я мало что успеваю сообразить и сделать. В-третьих, мне, кажется, не хватит мелочи даже на одну поездку на метро. В-четвёртых, мне плохо. Я хочу лечь. Скамейка.

Я был настроен решительно.

– Герман Иосифович, извините, я не хочу это продолжать, – сказал я. – Либо вы заплатите мне деньги, либо я больше не приду. В прошлый раз мне было очень плохо. Я не представляю, как вообще выдержал.

Иванов встрепенулся и посмотрел на меня слегка испуганным взглядом.

– Хорошо-хорошо. Не волнуйтесь. Но у нас же так удачно всё получилось!

– Удачно? Меня стошнило на себя. И зачем вы порезали мне пальцы? До сих пор не зажило.

– Хотел проверить, действительно ли вы оторвались от реальности, – я не чувствовал в его голосе ни извинения, ни малейшего сожаления о содеянном.

– Деньги заплатите? – спросил я.

Иванов отвёл глаза.

– Эм... А фальшивые вам не подойдут? У меня не очень хорошо сейчас с пациентами.

Я встал.

– Извините, я ухожу.

– Но вы не можете! – воскликнул Иванов. – Мы только в самом начале пути! Сегодня я планировал перейти непосредственно к делу.

Я шёл к двери.

– Стойте! – сказал Иванов. – У меня есть две тысячи. Нет, даже две с половиной.

Я помедлил. Вернулся в кресло. Взял со стола деньги и убрал в карман.

– Хорошо, – сказал я. – Но два условия. В следующий раз вы мне платите всю сумму, как обещали. И сейчас объясняете толком, что вообще происходит.

Иванов – видимо, успокоившись – снова откинулся в кресле.

– Первое я могу обещать, – сказал он. – У меня есть немного денег на счету. В крайнем случае, займу. А вот «объяснить толком», как вы выражаетесь – не уверен, что смогу. Я сам двигаюсь в темноте, наугад. Но если не вдаваться в лишние, к тому же не очень известные мне самому подробности – я думаю, что установки вашего подсознания могут влиять на ваше тело. Для этого нужно только устранить все помехи. В прошлый раз я убедился, что есть способ практически полностью отключить вас от реальности. Более того, я вижу, что ваши реакции на ощущения были тогда напрямую связаны с вашими подсознательными ассоциациями. Теперь я хотел бы попробовать вызвать подобную реакцию у вашего тела. Чтобы убедить вас, это должен быть совершенно очевидный эффект.

– То, что меня тошнило, тоже было совершенно очевидно, – вставил я.

– Эмм, – Иванов замялся. – Это просто побочное действие, оно никоим образом не было запланировано. И, в конце концов, это же ерунда. Не стоит и вспоминать. Давайте сегодня начнём вот с чего. Какое у вас зрение?

– Минус пять.

– Проверим?

Я пожал плечами.

– Ну-ка, снимите очки.

Я снял очки и положил на стол перед собой. Иванов встал, достал из шкафа листочек с буквами разного размера и закрепил магнитом на доске метрах в пяти от меня.

– Читайте.

– Ш, Б, М, Н, К, – сказал я.

– Ничего подобного, – ответил Иванов. – Это не стандартная таблица. Там написано «Ж, В, Ш, П, Х». Да вы слепы, как крот, просто обманываете окулистов. Думаю, тут даже не минус пять, а больше. Что же... Предлагаю попробовать новый эксперимент. Отключим вас от реальности чуть сильнее, чем в прошлый раз. Пойдёмте. Очки оставьте.

Он встал и, обогнув кресло, направился в соседнюю маленькую комнату. Я с некоторым беспокойством двинулся за ним. Иванов открыл дверь, за которой я своими слегка ослепшими глазами увидел длинную крутую лестницу, ведущую вниз. Он развернулся в дверном проёме, улыбнулся мне странной двусмысленной и расплывчатой улыбкой и произнёс:

– Ну, что же вы еле ноги переставляете? Идёмте же!

Я следовал за его подтянутой фигурой по лестнице, держась за холодные ржавые перила. Мы опускались в подвал, где за следующей дверью оказалось небольшое помещение. В углу стояла торчком старорежимная металлическая койка, вдоль стены напротив шли стеллажи с горами мусора, а середину комнаты занимал хрустальный гроб. Точнее сказать, это было нечто вроде большого аквариума на высоких ножках, скреплённого мощными металлическими уголками, но напоминало мне сооружение именно гроб. Внутри была налита прозрачная жидкость – я надеялся, что вода.

– Раздевайтесь, – сказал Иванов.

– Что? – не понял я. – Зачем?

– Следующая часть нашего эксперимента, – пояснил Иванов. – Честно признаюсь, идея не моя. Вы будете лежать в жидкости, имеющей плотность и температуру вашего тела. Вы не сможете ничего видеть, а слышать будете только мой голос.

Я немного растерялся.

– У меня и плавок-то нет, – сказал я.

– Ну, раздевайтесь полностью, все же свои, – отмахнулся Иванов.

Я был не вполне согласен с этим утверждением, и Иванов, должно быть, прочёл это в моём взгляде.

– Ну откуда эта ненужная стыдливость?! – воскликнул он. – Всё время с вами какие-то сложности. Разденьтесь и прикройтесь потом вот этим, что ли.

Он придвинул ко мне стул, на котором лежало нечто вроде резинового коврика. Затем подошёл к аквариуму и опустил в него руку.

– Остыло немного, – заметил он сокрушённо. – Сейчас.

Иванов извлёк из кучи мусора на стеллаже огромный кипятильник, воткнул в розетку и сунул в аквариум.

– Думаю, – сказал он, – пары минут достаточно.

Я начал раздеваться.

– Да не смотрю я, не смотрю, – буркнул Иванов, поправил очки и картинно отвернулся в стену.

Сняв трусы, я обмотал вокруг талии коврик и, как мог, закрепил его на поясе. Иванов, взглянув на меня, сказал:

– Хорошо. Наденьте ещё вот это.

На стуле лежали два резиновых растребу с ремешками. Я растерянно смотрел на них, пытаюсь понять предназначение.

– Да на руки же, на руки! – раздражённо объяснил Иванов. – Чтобы не щупать стенки резервуара.

Он сунул руку в аквариум и чертыхнулся.

– Кажется, горячевато. Ну, ничего. Вы своей массой уравниваете баланс.

Он вынул кипятильник, выдернул из розетки и повернулся ко мне.

– Так. Что ещё? Да...

Пошарив на стеллаже, он извлёк ещё пару предметов, а затем надел мне на лицо маску для подводного плавания с замазанными синей краской окулярами. Я перестал что-либо видеть кроме расплывчатых пятен краски. Маска сжимала мой нос, чтобы я через него не дышал.

– Сейчас подключим вас, – пробормотал Иванов.

Через мгновение я почувствовал на голове тугие наушники.

– Вроде бы они должны быть герметичными, – раздался голос Иванова в моих ушах. – Надеюсь, во всяком случае. Будете слушать меня через них. Ну, залезайте. В проводе не запутайтесь.

– Как? – я чувствовал себя глупо.

– Да вот же, я вам табуреточку поставил, – отозвался голос Иванова.

Я вслепую шагнул вперёд, ударившись голым коленом о табуретку. Нашупал её, влез, схватился за борт аквариума. Перекинул ногу.

– А! – вскрикнул я от неожиданности. – Горячо.

– Да ничего, сейчас привыкнете, – отозвался Иванов. – Садитесь, протягивайте ноги.

Я осторожно погрузил в воду нижнюю часть тела. Вода выталкивала сильнее, чем это бывает в обычной ванной. Пара капель попала мне на губы, и я ощутил привкус соли. Понятно.

– Возьмите в рот трубку, – сказал Иванов. – Будете дышать через неё. И ложитесь.

В моём рту внезапно оказался склизкий резиновый шланг диаметром сантиметра полтора. Я плотно обхватил его губами и откинулся назад. Моё тело закачалось в жидкости. Было, пожалуй, даже слегка приятно. Дышать оказалось легко.

– Для начала, – заговорил Иванов, – постарайтесь успокоиться и расслабиться. Представьте, что вы купаетесь в море. Вы погружаетесь в тёплую воду. Она ласкает вас, сквозь слой воды пробиваются лучи южного солнца. Вокруг плавают рыбки... Вы же не боитесь рыбок?

Я чуть не раскрыл рот, чтобы ответить «Нет».

– Расслабьте все ваши мышцы, – продолжал Иванов в наушниках. – Слейтесь с водой. Будьте как она. Каждая клеточка вашего тела расслаблена. Всё, что вы должны сейчас чувствовать – это как пульсирует кровь в кончиках ваших пальцев. А теперь я начну подавать эликсир...

На очередном вдохе я почувствовал, как мне в рот льётся противная жидкость. Я попытался дышать, но горло всё заполнилось жидким эликсиром, и я понял, что захлёбываюсь. В панике я выпустил изо рта шланг и продолжил давиться уже водой.

Страх отключил мне остатки рассудка. Я задёргал что есть дури ногами и руками, словно надеясь всплыть. Моя рука с размаху врезалась в стеклянную стенку, и я почувствовал, что стекло лопнуло, после чего догадался, наконец, сесть и срыгнуть воду. Я стащил с себя маску, прокашлялся и наблюдал, как остатки воды покидают аквариум, изливаясь на пол подвала.

– Вот же я кретин! – сокрушался Иванов, отойдя на безопасное расстояние. – Не догадался, что вы так дышать не сможете. Ну ладно, что-нибудь придумаю в следующий раз. Вылезайте пока.

Я перевалился через бортик, слез на табуретку и спрыгнул на пол. Кожа была красной после пребывания в горячей воде. Я начал дрожать – в подвале было не жарко. Что-то бежало по моей руке. Я взглянул на запястье и перепугался – из-под раструба приличной струйкой бежала кровь.

Я принялся сдирать раструб.

– Да не переживайте, – сказал Иванов. – Ничего с вами не случится. Вы же не в тёплой воде сейчас. Остановится.

Он помог мне освободиться от раструбов и наушников и осмотрел рану.

– Сейчас, – сказал он. – Йодиком смажем...

Через секунду я подпрыгнул от сильного жжения в ране.

– Упс, – сказал Иванов, закрывая пузырёк. – Извините, я рядышком хотел. Подуйте.

Я от растерянности подул в пространство перед собой. Иванов склеил края моего пореза полоской чёрной изоленты.

– Профессор... – пробормотал я. – А полотенца не дадите?

Иванов сделал вид, что осматривается вокруг.

– Даже не знаю, чем вам помочь. Ну, пойдёмте наверх. Там должно быть теплее.

Я кое-как вытерся своей футболкой и, прихватив с собой ком одежды и ботинки, пошёл за ним. Я всё ещё дрожал, когда на лестнице Иванов обернулся ко мне и спросил:

– А вы себя как, собственно, чувствуете? Вы должны были прилично эликсира наглотаться.

Его фигура неясно маячила надо мной и расплывалась в тумане. Мне показалось на мгновение, что я уже стоял раньше на этой лестнице, так же дотрагивался до стены, удивляясь её нереальности, и хватался за уползающие перила.

– Нормально чувствую, – ответил я. – Голова только кружится. А вообще паршиво вы планируете эксперименты.

Добравшись до своего кресла, я плюхнулся в него и закрыл глаза.

– Так, – сказал Иванов, садясь напротив. – Раз вы всё равно будете сохнуть, давайте немного продолжим. Надеюсь, полученная вами доза препарата достаточна. Расслабьтесь.

– А фена у вас нет? – спросил я, не открывая глаз.

– Нет, – ответил Иванов. – Давайте не будем думать о том, что происходит сейчас и здесь.

Представьте себе, что вы идёте, скажем, по улице. Рядом никого нет. Просто город. Попробуйте представить и описать, что вы видите.

Я вздохнул. Мне не хотелось ничего представлять.

– Я иду медленно, – сказал я. – Мне холодно...

– Меня интересует ваше визуальное восприятие, – сказал Иванов.

– Я дрожу, – продолжал я. – Мне хочется есть. Живот болит. Сильно, справа.

– Что вы видите? – настаивал Иванов.

– Темно, – сказал я. – Жёлтая виолончель. Жёлтая виолончель...

– Что ещё за виолончель?

– Я иду к мусорным бакам, – сказал я.

– Вы видите какие-нибудь надписи? – спросил Иванов. – Можете прочитать?

– Вывоз мусора, – сказал я. – С восьми ноль-ноль...

Я иду по хмурому, плохо освещённому двору. Слева вверху покачивается голубой огрызок луны.

– Очки, – бормочу я. – Это многое объясняет...

На самом-то деле, это ничего не объясняет. От того, что человек потерял очки, мир не становится синим. Да и дымка, витающая вокруг меня – не просто отсутствие резкости. Вот, предположим, захочу я прочитать табличку на том мусорном контейнере, что стоит метров за пятьдесят от меня – я же вполне спокойно смогу это сделать. Мне достаточно захотеть, и дымка рассеивается. Буквы и цифры чёткие, словно находятся рядом и хорошо освещены. «Вывоз мусора с 8-00».

Как же тяжело ковылять к этим бакам. Тряпки на ногах поистерлись, одна почти свалилась. Горло режет так, что больно не только глотать, но и дышать. А глотать всё равно нечего, кроме собственной слюны. Я вспоминаю огрызок батона, оставленный мной так недавно на остановке. Его можно было оттереть от грязи и съесть. Да что там – я бы сейчас и блевотину саму съел с удовольствием. В животе жжёт. Ноги заплетаются. Так вот почему я иду к мусорным бакам – в них может быть еда. Сейчас же люди часто так делают. Купят, скажем, две палки колбасы, не подумав. А потом понимают, что им нужна только одна. И вторую выбрасывают на помойку. Или притащат домой сыр зелёный, а потом вспоминают, что он им под цвет обоев не подходит...

Я хватаюсь рукой за край бака. Кружится голова. Пытаюсь вытащить верхний пакет с мусором. Он рвётся. Пустые бутылки. Памперсы. Упаковка от колготок. Не то. Отбрасываю пакет. Следующий. Завязан. Пальцы трясутся. Хорошо, что ногти корявые и длинные. Рву пакет. О! Это же картофельные очистки! Сую в рот, жую. На зубах скрипит песок. Баночка из-под детского питания. На стенках осталось чуть-чуть. Пальцем выковыриваю сиреневое пюре вместе с зелёной плесенью, ем. У меня пир. Отдвигаю пакет и вижу потёртый, смятый ботинок. Надо же, какая удача! А вот и второй. Откапываю оба, осматриваю. Грязные, форму потеряли, вот здесь чуть надорвана подошва, но в целом ботинки вполне нормальные. Размер, похоже, мой или чуть больше.

Справа от меня раздаётся шуршащий звук. Крыса? Звук повторяется. Нет. Это чья-то речь. Невнятная, шепелявая.

– Жолодой шеложек, – доносится до меня. Я поворачиваю голову. В паре метров, у дальнего из баков, возвышается причудливая фигура. Она напоминает очень высокого человека. Метра два ростом, не меньше. Он космат, лицо всё покрыто бородой, из которой торчат ещё и ужасающие, длинные, свисающие усы. Огромные выпуклые глаза сверкают в темноте.

Фигура одета в бесформенный плащ, застёгнутый на несколько рядов пуговиц. Рукава длинные, почти до земли, и заканчиваются огромными раструбами, покачивающимися над асфальтом. Фигура медленно движется ко мне, хотя я не вижу, как переставляются ноги.

– Жолодой шеложек, – повторяет фигура. – Мушорку не рый. Мой мушорка.

Слегка опешив от уставленных прямо в меня налитых фиолетовой кровью белков, я пячусь и пытаюсь ответить:

– Общая мусорка. Вы что её, купили?

– Моё ражрешение, – шепелявит фигура, двигаясь всё ближе. Я начинаю осознавать её размер – чтобы видеть лицо, мне приходится запрокидывать голову. С бороды незнакомца капает густая зелёная слюна.

– Жомж? – вопрошает фигура.

– Да нет, я не бомж, – бормочу я. Чувствую, что надо бы убежать, но сил совсем нет, и меня снова бросает в дрожь – то ли от температуры, то ли от страха.

– Нешорошо, – борода шевелится, издавая звуки. – Мушорки для жомжей.

Он стоит и смотрит на меня, а я на него. Внезапно его рукав начинает вздыматься, приближаясь ко мне.

– Жуку, – произносит он.

– Что? – не понимаю я, но моя рука машинально готовится защищаться, и в ней внезапно оказывается твёрдый, вложенный в неё предмет.

Это яблоко. Блестящее, большое, ярко-фиолетовое.

– Ешь, – говорит гигант.

– Спасибо, – лепечу я и кусаю яблоко. Оно сладкое, сочное, хрустит на зубах. Съедаю вместе с огрызком.

Гигант смотрит на меня.

– Жошли, – говорит он и, разворачиваясь ко мне спиной, двигается в сторону ближайшего подъезда. Я иду за ним. Я хочу ещё такое же яблоко. Похоже, он не страшный. По сути, я теперь такой же, как и он. Но у него опыта больше. И он решил поделиться. Вот и всё.

Мы подходим к двери подъезда. У меня возникает вопрос, как он откроет дверь. Я вижу домофон. Дверь заперта. Может быть, у него есть таблетка? Или в одной из квартир есть кому его пустить?

Но гигант просто хватает дверь за ручку и резко дёргает на себя. Дверь издаёт жалобный металлический хруст и открывается.

Я иду за ним. Фигура поднимается по лестнице марш за маршем. Лампочки в подъезде не горят. Плащ моего спутника чуть поплёскивает впереди и сверху в свете тусклых уличных фонарей, пробивающемся сквозь грязные стёкла подъезда.

Мы идём всё выше. Я задыхаюсь. Гиганту всё нипочём. Он словно плывёт над ступенями. Я не могу рассмотреть его ног под плащом. Я понимаю, что ноги должны быть, и что я должен их видеть прямо у себя перед носом, но не вижу.

Я устал подниматься, но почему-то чувствую необходимость не отставать. Ничего. Главное правильно дышать. Вдох... Выдох... Наконец, мы пришли. Мы на площадке перед верхним этажом. Она завалена вещами. Одежда, обломки мебели, посуда, книги, набитые чем-то пакеты.

Из одного пакета великан достаёт пластиковую бутылку. Бутылка на секунду скрывается в раструбе его рукава, а затем появляется вновь уже с открученной пробкой. Я принимаю её, прикладывая к губам. Жадно пью. Только сейчас понимаю, насколько хотел пить. Чувствую, какие горячие у меня губы и насколько пропитано жаром дыхание. Мне нужны лекарства. Я совсем заболел.

Великан тем временем даёт мне приличный кусок колбасы. Я сам не замечаю, как он оказывается в моих пальцах. Откусываю. Колбаса отличная, свежая, словно бы только что из холодильника. Где он её взял? Ем не спеша, тщательно разжёвывая.

– Спасибо, – говорю я. – Я очень хотел есть.

– Же мушорки мои, – говорит великан, глядя на меня в упор.

– Все мусорки? – переспрашиваю я. – В Москве?

– Жет, – отвечает он. – Жешде.

Как он умудряется так шепелявить? Как можно говорить «ж» вместо «в»? И где его нос? На месте носа я вижу куст густых чёрных волос. Глаза близко посажены по обе стороны от этого куста. Глаза горят фиолетовым, переливаются, блестят.

– Хорошо? – спрашивает он.

– Да, – подтверждаю я, доедая колбасу. – Спасибо.

– Жошинки, – говорит он, – указывая раструбом на ту пару обуви, что я держу в левой руке. – Яжлоко. Жода. Шолбаша.

– Да, – снова говорю я. – Большое вам спасибо.

– Жвоя ошереть, – его фигура разворачивается, придвигается, нависая надо мной.

– Вы хотите, чтобы я вам что-то дал взамен? – догадываюсь я. – Так у меня нет ничего...

Если только обмотки... Или телефон вот сломанный...

– Кушочек... – говорит великан. Его рукав тянется ко мне. Я пячусь, чувствуя недоброе. Упираюсь ногой в низкий подоконник. Из раструба его плаща высовывается огромная костяная клешня.

– Возьмите... – бормочу я. – Возьмите телефон...

– Жет, – шипит он. – Жуку... Дай жуку...

Одна его клешня хватает меня за плечо, стискивает больно, отчего я корчусь и начинаю сползать на подоконник, другая плавает перед носом, точно раздумывая, за что ухватиться.

– А! – кричу я. – А! Отпустите....

Вырываюсь, жмусь к окну.

– Жуку... – шипит он. – Жуку ожай... Иж дше...

Дёргаюсь, мечусь. Лопается стекло. Длинный осколок впивается в моё запястье. Копна волос великана двигается к моему лицу. Я чувствую, как за слоем бороды что-то шевелится, готовое схватить меня, жевать, перемальвать...

Я толкаюсь ногой. Высоко... Ветер подхватывает меня и швыряет вниз. Тёмные этажи за секунду проносятся мимо... Козырёк подъезда, заваленный горами мусора... Дикая боль и хруст.

Мерзко... Отчего у меня на душе было так мерзко? Я шёл вдоль пыльного шоссе, по которому проносились с оглушительным рёвом машины. Город серел вокруг, едва различимый в смоге. Обычно я считал, что нормально себя чувствовать мне мешают люди. Но здесь не было людей, только обезличенные железяки, несущиеся мимо, да вздымающиеся вдалеке дома. То ли их незримое присутствие давит точно так же, как и явное, то ли дело и вовсе не в людях. А в чём? Видимо, во мне.

Может, настроение мне испортил разговор с Пашей. Может, то, что я отдался в лапы Иванову. Или что-то ещё. Может быть, мне просто не хватало в жизни чего-то важного, к чему я привык. Или так, блажь – к примеру, недостаток витаминов.

Я уже почти дошёл. Ко мне приближался красный кирпичный дом в пять этажей. Вид у него был обшарпанный, потёртый. В тёмном подъезде меня ждали кривые, чёрно-ржавые перила. Я шагал по лестнице, надеясь, что скоро останусь один. Дверь у Жупанова была коричневой, с облупившейся краской и маленькой надписью "PEPSI", которую кто-то выпцарапал на ней ножиком.

Свет в глазке не горел. Это обнадеживало, и я открыл дверь. Разулся, прошёл. Все здесь казалось убогим и застывшим. Большие часы на стене тикали бесстрастно и уныло. Я сел на диван, откинулся на спинку и закрыл глаза.

Велик был соблазн просто посидеть и ничего не делать. Но я знал, что это только сильнее вгонит меня в депрессию. И я отлично знал лекарство от неё.

Я давно ничего не писал. Нужно было начать что-то новое. Вообразить новый мир. Населить героями. Сочинить сюжет. Лучше всего что-то лёгкое, весёлое. Может быть, сказку. Хотя, если уж говорить совсем честно, в глубине головы у меня уже давно болтались обрывки, которые я очень хотел превратить в книгу.

Я достал из рюкзака тетрадь. Она была практически чистой. Когда-то первые страницы занимали кусочки университетских лекций, но я их вырвал за ненадобностью. Так что начинал я с чистого листа.

Постепенно бумага стала покрываться словами. Я начал издали. С языка описываемых существ. Мне это казалось важным.

Внезапно во входной двери заскрипел ключ. Я засуетился, пряча тетрадь. Я знал, что будет, если меня застанут за необычным занятием. Допрос. Я привстал с дивана и выглянул в прихожую. Это было необходимо, чтобы продемонстрировать бдительность, которая являлась условием проживания.

Дверь открылась. Жупанов был низеньким, плешивым, большеруким мужичком. Рядом стояла дочка Аня в мятом синем платице. Волосы, сальные и не расчёсанные, были собраны в хвостик с помощью шнурка.

– Добрый вечер, – сказал я.

– Мгу, – кивнул Жупанов и, присев, стал медленно расшнуровывать левый ботинок.

Я прошёл в комнату, где как раз начали бить часы, и снова сел на диван. По привычке стал считать про себя удары, но скоро сбился. Жупанов втолкнул дочку в соседнюю комнату, зыркнул на меня и прокосолапил на кухню. Чем-то забрякал.

– Ты не трогал наш хлеб? – вдруг послышалось с кухни.

– Нет, – отозвался я.

– Странно, – сказал Жупанов. – Кажется, тут кусочек отрезан.

Сказано было с вопросительной интонацией. Аня вышла из их комнаты. На одну ногу был обут тапочек.

– Пап, – сказала она, – это я. Совсем чуть-чуть.

– Надо говорить, когда берёшь, – сказал Жупанов без всяких эмоций. Вышел из кухни. Размахнулся и ударил её ладонью по затылку. Потом вернулся на кухню, а Аня спокойно пошла за ним, щупая шнурочек на своём хвостике.

– Что-то вы рано, – сказал я, думая, чем бы заняться, чтобы не вызывать подозрений.

– Так заказы же, – буркнул Жупанов, вынося с кухни тарелку с бутербродами и кружку чая. – Был один с утра, а больше нет.

Жупанов занимался переездами квартир. Работал грузчиком и всё время жаловался, что водитель получает больше. С другой стороны, своей работой он гордился. Хвастался, что туда просто так не устроиться. Связи нужны, да ещё и не любые, а с правильными людьми. У него, Жупанова, на людей чутьё. Он умеет к каждому ключик подобрать. Я столько раз слышал эти слова Жупанова, что по-другому уже и не мог передать смысл, кроме как просто повторить его фразы.

Он уселся в старое продавленное кресло, включил телевизор и принялся хлебать из чашки чай. Я, подумав, извлёк из сумки самоучитель испанского. Не то, чтобы мне сейчас хотелось этим заниматься, но лучше я не придумал ничего.

Жупанов пощёлкал каналы и нашёл новости. Он сидел, смотрел, откусывал иногда бутерброд и запивал чаем. Периодически косился на меня.

В новостях показывали репортаж о праздновании какого-то события, о котором я ничего не знал. Люди в толпе улыбались и рассказывали о своём воодушевлении. Жупанов смотрел на них и хмуро жевал бутерброд.

Я знал, что он выдаст пару комментариев, а потом переключит на другой канал, чтобы найти сериал. Ему, кажется, было всё равно, что смотреть. Во всяком случае, он делал вид, что ему одинаково не нравятся все передачи.

– И чего галдят? – сказал он. – Событие, тоже мне. Лучше бы цены снизили хоть на рубль.

Он взял пульт и принялся щёлкать. Я прочитал пару испанских слов.

– Ты чего там читаешь? – спросил Жупанов, не отрывая взгляда от телевизора. – Книжку, что ли?

– Да, – сказал я. – Вот язык хочу поучить. Испанский.

– На хрена? – не понял он. – Русского тебе мало? Чем больше чужого учишь, тем слабее наша культура.

Я не стал отвечать. Знал, что это не обязательно. Он, кажется, нашёл канал, который его устроил. Какие-то полицейские в серой форме гнались за растерянным, размахивающим руками при беге бандитом. Схватили, повалили на землю, стали кричать.

Я прочитал ещё слово или два. Мне стало тоскливо. Я убрал книгу в сумку и встал.

– Ты куда собрался? – спросил Жупанов.

– Да в магазин, – ответил я. – Вспомнил... Карандаш надо купить.

Чёрт его знает, почему мне пришёл в голову карандаш. Кажется, Жупанов не расслышал.

– Ну, смотри, – сказал он. – Поздно уже. Через час на задвижку запрусь, не войдёшь.

– Я быстро, – сказал я, надевая ботинки.

Я запер дверь и стал спускаться по лестнице. Идти мне было, собственно, некуда. Я надеялся найти во дворе свободную скамейку и продолжить писать. У Жупанова я снимал, по сути, диван, хотя официально заявлялась комната. Правда, спали они с дочкой в соседней, но моя была проходной, и полночи Жупанов шлялся в туалет или в кухню и обратно. А днём, если он был не на работе, так и вовсе почти всё время сидел в моей комнате за телевизором. Так что скамейка во дворе часто служила мне убежищем. Однако у меня была причина всё это терпеть. Жупанов брал с меня раза в три меньше денег, чем другие.

У дальнего подъезда никого не оказалось. Я сел, расстегнул сумку и раскрыл тетрадь. Так, на чём я остановился? Да, пумары...

Я натыкаюсь лбом на ветку. Чёрт. Что это? Я нахожусь посреди густых зарослей кустарника, абсолютно запутавшийся в них, исколотый, расцарапанный. Как я сюда попал? Последнее, что помню – падение с площадки между четвёртым и пятым этажами на козырёк подъезда. Я уж и не думал выжить после этого. Я цел?

Пытаюсь вырваться из кустов. Это непросто. Кустарник цепкий, его много. Наконец, выбираюсь на склон небольшого холма. Не могу определить местность. Вдалеке, в синеве, невысокие домики. Брёвнышко. Присаживаюсь. Кружится голова. В животе побаливает, но не сильно. Что же произошло? Этот бомж-гигант гнался за мной? Или то, что я помню, вообще мне привиделось? Я вспоминаю его клешни. Совершенно нереально. Приподнимаю рукав футболки.

На моём предплечье – большой синяк и два свежих пореза. Очень похоже на след от клешни. А может, я упал неудачно. С другой стороны, если этого короля бомжей не существовало, то зачем бы я падал из окна?

Чувствую себя измотанным. Голова мутная. Горло болит. Весь нос забит соплями. Надо бы найти более удобное место, чтобы полежать. Какой я, должно быть, грязный... Не чувствую запаха. По-прежнему не чувствую.

Что вообще со мной происходит? То, что я вижу – это сон? А эти фрагменты прошлого – насколько они реальны? И если реально то, что я вижу сейчас, то откуда в нашем мире уроды и мутанты?

Нет, я думаю не о том. Когда-то раньше я занимал место в этом мире. Я жил, пусть плохо, но знал, куда идти и что делать. Сейчас я даже толком не знаю, кто я. Мне нужно вспомнить. Нет, не так. Не приподнимать завесу на больном мозгу. Я знаю, к чему это приводит. Что-то должно указать мне, кто я есть.

Я встаю с брёвнышка. Осматриваюсь. Кажется, это берег заросшей речки. И всё ещё Москва. Вдали виднеется здание МГУ. Подождите... Очень знакомый ракурс...

Внезапно я захожусь в глубоком сухом кашле. Он душит меня. Я никак не могу остановиться. Ничего, ничего... Нужно идти. Кажется, я понимаю примерно, где нахожусь...

Дорожка петляет по берегу и уводит меня во дворы. Я иду медленно. Тело вроде бы цело, но мышцы болят. На руках вижу множество порезов. Большая заживающая рана на запястье стянута чёрной изолентой. Что это за рана? Та, что я получил в кабинете Иванова? Должна была зажить давно. Или я порезался о стекло подъезда? Когда я успел её в таком случае заклеить?

Я настраиваю резкость в глазах. Передо мной встаёт фиолетовая кирпичная пятиэтажка. Я пришёл домой.

Снова кашель. Давлюсь им с минуту, потом захожу в подъезд. Домофона нет. Да, так и было. Поднимаюсь по лестнице. Дышать тяжело. В носу что-то сипит. Ноги еле идут. Кстати, на ногах у меня те самые ботинки, которые я нашёл в мусорке. Пожалуй, чуть великоваты, зато не трут. И намного лучше обмоток. Я дома. Я дома. Я почти дома. Жёлтая виолончель.

Вот дверь квартиры Жупанова. Я вставляю ключ. Он подходит. Кажется, кончились мои злоключения. Я выплещусь, помоюсь, подлечусь... Замок проворачивается. Дверь открывается.

Жупанов уже в коридоре, движется навстречу мне.

– Ключ дай, – говорит он.

Я машинально протягиваю ему ключ. Он забирает его и суёт в карман.

– Вещи сейчас вынесу, – говорит Жупанов. – Снаружи подожди.

– Так это же... – бормочу я. – Я же живу здесь.

– Уже нет, – отвечает Жупанов. – Тебя неделю не было. Да и не платил ты с апреля. Я жильца пустил. Другого.

Я глотаю комок. Хочу что-то спросить, но Жупанов скрывается в своей комнате.

– Может, можно хоть умыться? – спрашиваю я.

Жупанов выносит большую грязную картонную коробку, суёт мне.

– Давай, давай, – говорит он. – Уходи. Ты ещё и воняешь...

– Можно, я помоюсь? – настаиваю я.

– Нашёл я, кого пустить, – бормочет Жупанов и резко толкает меня кулаком в грудь. – Алкашню какую-то...

Я вспыхиваю. Я готов вцепиться в его синюю расплывчатую рожу, но мне мешает коробка, и Жупанов опережает меня. От второго его толчка я вылетаю на площадку, едва удерживаясь на ногах. Дверь захлопывается.

– Скотина! Открой! – кричу я и колочу по двери изо всех сил. Напоследок сильно, с разворота, бью ногой, отчего дверь тяжело вздрагивает и гудит. Голос мой взлетает к потолку, чуть не срываясь на визг:

– Встречу на улице – убью!

Через пару минут, однако, я успокаиваюсь, поднимаю лежащую на боку коробку. Собираю в неё выпавшие вещи. Иду вниз. На следующей площадке останавливаюсь, сажусь на подоконник. Нет смысла никуда идти. Во всяком случае, отсюда пока меня не гонят.

Начинаю копаться в коробке. В глазах синяя муть. Какая-то одежда. Рубашка, пара футболок. Трусы, носки. Это пригодится. Растянутый свитер. Дранный пуховик. Бритвенный станок. Очень ценно. Пара книг. Рюкзак. Ага. В него можно всё переложить.

Дрожащими руками я напихиваю в него содержимое коробки. Тетрадь. Надо будет почитать. Пена для бритья. Бутылочка одеколона. Отлично. Какие-то бумажки. Пара драных пакетов. Старомодный маленький кошелёк. М-да. Пустой, если не считать какой-то рекламки внутри. Перочинный ножик. О! Зарядка для телефона. Расчёска. Кажется, это всё. Не густо, прямо скажем. Это всё моё имущество?

Однако же, рюкзак набит под завязку. Пуховик даже не поместился, я прикрутил его рукавами к лямам. Что дальше? Надо бы переодеться. И лучше сделать это здесь, не на улице, поскольку у меня температура. Думаю, стоит мне снять одежду, начнёт трясти. Я достаю из рюкзака трусы, носки, футболку. Запасных штанов, к сожалению, нет.

Начинаю стаскивать всё с себя. Носки присохли к ногам. На пятке засохшая кровь. Под футболкой всё тело в порезах. Холодно. Скорее надеваю другую футболку. Красную. На ней абстрактный рисунок, похожий на герб или логотип. Что значит? Не помню. Трусы. Выглядят отвратительно. Надо выбросить. Хотя нет. Запихну в пакет. Итак. Я стал чище. Ощущения намного лучше. Что дальше? Сбрить бы эту мерзкую бороду. Может, люди меньше шарахаться будут.

Зеркала нет. Да и воды тоже. Может, есть на улице какая-нибудь лужа? Беру с собой рюкзак и спускаюсь вниз, оставляя пустую коробку на подоконнике. Тащить рюкзак тяжело. Наверно, я просто ослабел за последние дни. Надо бы поесть. И поспать. Последнее, в принципе, возможно. Нужно только найти скамейку.

Я брожу по дворам. Нет здесь никаких луж. Дождь был давно. Что бы придумать? Я вспоминаю о реке, которая течёт совсем недалеко. Двигаюсь в ту сторону.

Рюкзак – это ноша. И всё же с ним я чувствую себя увереннее. Это часть моей прошлой жизни. В нём есть полезные вещи, которые мне обязательно пригодятся. Конечно, это не решает главной моей проблемы – отсутствия денег и жилья, но чуть ослабляет эту потребность.

Вот и река. Одно название. Заболоченный ручеёк. Трудно найти место, где подойти к воде. Везде трава, кусты, грязь, груды мусора. На изгибе нахожу открытый участок, где видно быстро бегущую воду. Но вплотную не приблизиться – меня отделяет от воды полоска заросшей тиной болотной жижи. Ага. Вот это поможет – обломок доски. Бросаю его сверху, встаю. Нормально.

Подойдя к воде, бросаю взгляд в зеркальную колышущуюся поверхность. Там отражается мерзкая косматая голова. Лицо в царапинах, борода клоками. Взгляд дикий. Попробуем исправить.

Я достаю из рюкзака пену и станок. Наношу пену. Смачиваю бритву в воде. Лезвие скользит по волосам, неприятно дёргая их, и станок моментально забивается. Полощу его в воде и продолжаю. Как, оказывается, неудобно брить такую длинную щетину... Да ещё и стоя на неустойчивой доске над сомнительным мокрым зеркалом. А, чёрт. Порезался. Ладно, это мелочи.

Бритьё занимает у меня кучу времени. Я устал, словно весь день таскал тяжести. Но результат того стоит – отражение уже не вызывает у меня омерзения. Смываю остатки пены, прижигаю порезы одеколоном. Кое-как причёсываю жирные спутанные волосы.

Ничего. Как-нибудь справимся. В конце концов, не такое уж я и ничтожество. У меня была какая-то работа. Я жил по-человечески. Меня, похоже, кто-то уважал. Во всяком случае, Паша и Левин со мной разговаривали. Я даже что-то там писать пытался. Это – признаться, без особых на то оснований – заставляет меня верить в то, что я не пустое место.

Я убираю всё в рюкзак. Мне хочется почитать содержимое тетради. В конце концов, это может мне напомнить... Уж не знаю, что. Да, жилья у меня теперь нет, денег тоже, как и способа

их достать. Но, возможно, есть надежда узнать что-то такое, что поможет мне. Может быть, я дал кому-то в долг, к примеру. Или за мной числится заброшенный дом в деревне. Всё может быть.

Я ловлю себя на том, что бреду по улице. Куда? Зачем? Лучше завернуть во двор и найти скамейку.

Непонятно, однако, почему моё настроение улучшилось. Это противоестественно. Ведь пена для бритья скоро закончится, трусы снова станут грязными, есть хочется уже сейчас, а денег взять негде. Надо осознать это, снова впасть в депрессию и опустить руки. Вот тогда будет полный порядок.

Я сижу на разноцветной лавочке возле детской площадки, на которой никого нет. Оно и понятно, что нет – горка разломана, от качелей остались только болтающиеся обрывки цепей, а в песочнице нет песка. Но для меня это плюс. Я нашёл спокойное место, где можно достать из рюкзака наполовину исписанную тетрадь и попытаться разобрать свои собственные каракули. Вот это какая буква? «П» или «Н»? Кажется, «П». Потому что есть слово «племя», а слова «нлемя» нет. Итак, племя пумаров было большим и разнообразным...

Зен де Зен, гроза морей!

Вводные замечания.

1) Язык племён, описанных в данных ниже отрывках, чрезвычайно оригинален и непостоянен. Особенно ясно это видно на примере племени пумаров, откуда был родом Зен де Зен. Я бы сказал, что понятия языка там вовсе не существовало. Каждый представитель племени говорил на собственном диалекте – и очень удивительно, что сородичи его прекрасно понимали, ведь часто эти диалекты отличались весьма существенно. Разные лица могли использовать разные наборы лексических единиц, по-разному строить предложения, ставить ударения в словах и т. д.

Особо следует отметить произвол в произношении буквы "г". В одном и том же слове её могли произнести как [г] (русское "гэ"), как [х] (русское "ха"), как [к] (русское "ка") и даже как нечто среднее между [г] и [х] (украинское "гэ"). Чтобы показать колоритность речи пумаров во всей её полноте, я буду писать слова так, как они произносятся, в спорных случаях ставя ударения и явно указывая особенности выговора. Звук, промежуточный между [г] и [х], ниже обозначается значком §.

2) Не стоит удивляться встречающимся в тексте фразам вроде "почесал средней рукой свою левую голову", так как генетическое разнообразие пумаров тоже было довольно сильным. Имелись особи двух-, трёх-, четырёхголовые, многоногие, многорукие, чрезмерного и недостаточного роста, бесполое, гермафродиты и т. д. Видимо, это явилось последствием воздействия каких-либо мутагенных факторов (например, повышенной радиации или химически активной пищи).

* * *

Самое раннее детское воспоминание Зена – одна из его многочисленных сестричек, которая неожиданно подползла к нему сзади и, ничуть не задумываясь, со всего размаху ударила его пустым ночным горшком по голове.

Зен, который в этот момент сидел на корточках, сосредоточенно созерцая бегающих по полу насекомых, вынужден был сказать:

– Ай! – и рухнуть вперёд, ткнувшись носом в одну из мух. Муха, видимо, задумалась о смысле своего существования и потому не успела, как все её подруги, взлететь и скрыться.

Зен привстал, оглянувшись назад. Десятки чумазных рожиц хихикали, смеялись, хохотали над ним, розовые толстые пальцы его братьев и сестёр указывали на него, и со всех сторон Зен слышал:

– §лянь на приёмыша!

– Щас заревёт!

– Придубок...

– Такая ложа! (имелась в виду рожа, но попробуй выговори это грубое слово в неполных три года от роду).

Зен оглядел их всех и почувствовал, что из его левого глаза действительно готова выскользнуть солёная капелька. Он, чтобы воспрепятствовать этому, немного поднял голову и уставил взгляд на паутину в углу потолка. Потом встал, пошатнулся (чем вызвал ещё один взрыв хохота) и побрёл в угол.

Он, в общем-то, понимал несправедливость, злость ежедневных насмешек и издевательств над ним, но, учитывая, что детское сознание Зена руководствовалось чувствами, а не логикой, его заполняли обида и жалость к самому себе.

Ещё его удивляло и пугало странное слово "приёмыш", напоминавшее ему шипение гадюки. Смысла он не понимал, но чувствовал заложенное в этом слове неравенство: он – был приёмышем, его братья и сёстры – не были.

– Папа! – крикнул он, схватившись за драные, замызганные штанины отцовских брюк. – Почему я – приёммыш?

Фасис Бур слышал этот вопрос, кажется, уже в сотый раз. Маленький одноголовый и двурукий уродец ему успел уже порядком надоест. Фасис приподнялся, стряхивая с себя головную боль вчерашнего похмелья, и схватил с полки под самым потолком небольшой сундучок.

– На, – буркнул он, швыряя сундучок точно в Зена, – изучёвывай, §рамотей.

А потом вернулся на место и задремал снова.

Зен слегка очухался от удара углом сундука в живот, увидел, как к нему придвигаются десятки злобных глазок и услышал знакомые выкрики:

– Заморыш!

– Зенова порода!

– А ну давай сюда коробочку...

Тогда он крепко прижал сундучок своей дрожащей левой ручкой к груди и на карачках пополз к выходу, а потом вскочил и побежал.

Он огибал соседские трубы, перепрыгивая через разрытые ямки с кореньями, и остановился только тогда, когда очутился на высоком холмике над рекой. Тут-то он и плюхнулся на землю, чтобы отдышаться.

Сундучок был не очень тяжёлый, хотя и довольно вместительный.

Одно препятствие ожидало Зена – замочек, который был, очевидно, заперт на ключ и не давал открыть узорчатую крышку. Однако Зен быстро справился с ним при помощи ржавой скрепки, которая завалилась в его карманах, и через минуту уже разглядывал содержимое.

С самого верха лежала записка: "Сие принадлежит Контомаху Зену и наследнику его, Баркусу Зену, и наследникам его, если таковые найдутся, но никому другому, кроме выше обозначенных".

Зен прочитал её по складам и тут же отложил в сторону. Далее шло что-то вроде зелёного пиджака с металлическими пластинками на плечах, который был плотно скручен в свёрток и перевязан верёвочкой. Под пиджаком лежала фотография седобородого старика, одетого в этот самый пиджак и короткие штанишки в цветочек. На обороте значилось: "Контомах Зен". Потом лежали ещё какие-то бумажки, толстая тетрадь и, наконец, большая круглая штука на цепочке. Зен повертел её в руках, поддел ногтем крышку. Под крышкой по кругу были нарисованы непонятные буквы, а на две из них показывали палочки: коротенькая и подлиннее. Зен прислушался и понял, что предмет тихо ритмично щелкает.

– Чикалка, – догадался Зен.

Он задумчиво посопел своим большим курносим носом и сунул чикалку в карман.

Потом принялся натягивать на плечи пиджак. Рядом закричала противная мелодия. Зен оторопел немного и промахнулся рукой мимо рукава. Музыка не переставала.

– Етит-твой двадцать! – воскликнул возмущённо Зен, а я, проснувшись, нащупал на стуле возле изголовья телефон и отключил в нём орущий будильник.

Разбитое стекло экрана портило настроение каждое утро. Давно надо было купить новый телефон или починить этот. Как-то я поинтересовался ценами – дешёвый китайский аппарат выходил дешевле, чем замена экрана на моём, но это не решало проблемы, поскольку у меня никогда не хватало свободных денег ни на то, ни на другое.

Я одел очки и встал. Спросонья споткнулся о сумку и, чуть не упав, задел рукой косяк двери.

– Потише можно? – послышалось из соседней комнаты. – Я сплю ещё!

– Извините, – пробормотал я шёпотом.

За стенкой заворочались. Я услышал тоненький голос дочки Жупанова:

– Папа, я, кажется, описалась...

– Сейчас отлуплю тебя! – пригрозил Жупанов. – В садике нормально всё время ходишь, а здесь всю кровать уже провоняла. Давай, меняй бельё, что сидишь?

Началась возня. Я часто слышал подобное, но обычно не утром, а посреди ночи. У девочки, похоже, был энурез. Я не знал, обращались ли они по этому поводу к врачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.